

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ПУТЬ В ВАЛЬХАЛЛУ

Сергей Дубянский

Путь в Вальхаллу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24153945

ISBN 9785448521782

Аннотация

Боги бессмертны по своему статусу, поэтому и языческие божества – не мифы; они лишь затаились на века, выжидая удобный момент, чтоб вернуться. Для этого им необходимо вновь обратить людей в свою веру. Это сложно, но выполнимо, ведь люди не дальновидны в выборе покровителей. Студентке Даше Ситниковой, например, хватило уличного знакомства, чтоб попасть под влияние Великолепной, но жестокой Фрей, спутницы Одина, и только цепь жутких смертей помогает ей понять, что случилось.

Путь в Вальхаллу

Сергей Дубянский

Прошло время Апокалипсиса, ожидавшегося на стыке веков, когда все гадали, какой же облик он примет на этот раз – то ли, как прежде, разверзнутся хляби небесные, то ли огромный метеорит врежется в Землю или взорвутся все «Чернобыли» сразу? А, может, Апокалипсис придет с эпидемией СПИДа или птичьего гриппа?..

Но никто так ничего и не заметил, если не считать пары взбесившихся компьютеров. И это правильно, ведь сообщество людей стало изоциреннее в борьбе с внешними воздействиями. Но то, что никто ничего не заметил, еще не доказывает, что ничего не произошло. Никто ж так и не объявил, как должен выглядеть новый Апокалипсис. Может, он происходит незаметно, осторожно закрадываясь в души, и противостоять ему предстоит каждому в отдельности...

Шли годы, смеркалось...

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2178-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Даша сбежала со ступенек и оглянулась. Вслед за ней на крыльце появилось еще несколько ребят, а потом смешная корейка Хван, преподававшая информатику. Сегодня Даша ее не боялась, так как ушла не с ее предмета, а с ужасно нудных «Основ права», по которым в эту сессию не было даже зачета.

– ... Что, Ситникова, прогуливаем?

Даша вздрогнула и резко повернувшись, увидела Колобка, открывавшего дверцу своего «Опеля». Колобком его прозвали за блестящую лысину, а в деканате он значился как «доцент кафедры мировой экономики Рогожин Виктор Михайлович».

– Я это... я в библиотеку, – ляпнула Даша первое, что пришло в голову, и чтоб окончательно задобрить мерзкого Колобка, добавила, – реферат же надо вам сдавать, – она потупила взгляд, ведь флешка с рефератом уже лежала у нее в кармане, но Колобку не полагалось это знать.

– Могу подвезти, если хочешь, – он похлопал ладонью по крыше «Опеля», – лекции у меня закончились, так что...

– Мне надо еще купить кое-что, – соврала Даша, поду-

мав: ...*Козел! Что ж ты ко мне привязался?.. Не трахаюсь я с препами!.. И вообще ни с кем не трахаюсь!.. Почему всех клинит, что если «мисс», то обязательно проститутка?..*

– Как знаешь, – Колобок вздохнул, – тогда пиши реферат. Завтра последний день, иначе до экзамена не допущу.

– Напишу, урод, – буркнула Даша себе под нос.

О Колобке ходили разные некрасивые слухи, но реальных подтверждений они не имели, если не считать того, что у отдельных девчонок экзаменационные оценки абсолютно не соответствовали оценкам в семестре. В принципе, в этом не было ничего криминального, ведь каждый способен вызубрить несколько тем; к тому же ни шпаргалки, ни счастливые билеты никто не отменял, и, тем не менее, Даша старалась держаться от Колобка подальше.

Она быстро зашагала к остановке, но пристальный взгляд будто прилип к спине, и Даша решила спрятаться от него в ближайшем магазинчике. Получилось вполне правдоподобно, потому что помимо всяких безделушек, здесь торговали и канцтоварами. Она прошлась вдоль совсем неинтересного прилавка, и чтоб убить время, задержалась перед яркими открытками с самыми немислимыми пожеланиями. Особенно ей понравилась толстая кошка, восторженно вопившая: – Милый, я так рада, что дорога тебе такая, какая есть!!!..

...*А я ни фига Ему не дорога, – подумала Даша, – одни придурки вокруг вьются, а Он живет со своими ракетками,*

и ему, блин, хорошо...

Он – это был Ромка Краснов, краса и гордость академии. «Краса» досталась ему от природы, а «гордость», потому что он являлся чемпионом области по теннису и даже двести какой-то там, ракеткой России. Из-за этого Ромка показывался в родном вузе лишь во время сессии. Хван, например, так и звала его – «наше ясно солнышко».

...С другой стороны, а чего ему ходить на занятия? «Пару» влепить не посмеют, а большие «удочки» ему не надо... Но и я ж не последняя лохушка! Если в марте стану «Мисс город», то поеду на «Россию», а там посмотрим, кто круче!.. Хотя это долго ждать, а, вот, если Вика не врет, и Павлик затащит его гулять с нами Новый год!.. – Даша мечтательно прикрыла глаза, – блин, послезавтра уже Новый год!.. Павлик, если ты сделаешь это, я тебя расцелую, и пусть Вика хоть на говно изойдет!..

Вынырнув из сладостных фантазий, Даша принялась изучать смешных гномиков по сорок рублей за штуку, «живших» рядом с открытками. Продавщица, до этого сидевшая за прилавком и внимательно наблюдавшая за единственной покупательницей, поднялась и подошла, стуча каблучками.

– Показать что-нибудь? – правда, ее рука даже не потянулась к крошечному замку, запиравшему витрину, и Даша решила, что девушке просто скучно.

– Я так, – она улыбнулась, – жду, пока один козел свалит.

– Знакомо, – девушка, Дашина ровесница, кивнула и уже

собралась вернуться на место, но передумала, – тут с утра мужик один заходил – говорил, что гномы совсем не такие. Они, говорит, грязные, чумазые и куют металл.

– С чего он так решил? – Даша удивленно вскинула брови.

– Он, блин, встречался с ними! О, как!

– Псих, что ли? – догадалась Даша.

– С виду не похож, – продавщица пожала плечами, – седоватый дядька, одет прилично. Но нес такую ересь!.. Я теперь, хохмы ради, всех предупреждаю, что гномы у нас неправильные.

Гораздо больше всяких психов Дашу интересовал Колобок, поэтому она промолчала, и продавщица, вздохнув, отошла, а Даша выглянула в окно – «Опель» стоял на прежнем месте.

...Во, падла! – Даша разозлилась, – *что мне, сидеть тут до вечера?.. Уже жрать охота!..*

Мысль о гамбургерах с картошкой была приятной, но она переплеталась с воспоминаниями о супе, который ждал ее в холодильнике, чтоб «ребенок не испортил желудок». Сама Даша считала, что ее желудку ничего не грозит, поэтому каждый день, испачкав для конспирации тарелку, с завидным постоянством спускала кулинарные изыски матери в унитаз.

...Купить что ли прокладки и конкретно выйти с ними?.. Чтoб губы закатал!.. Мысль Даше так понравилась, что она уже полезла за кошельком, но в это время на пороге появил-

ся седоватый мужчина в кожаной куртке; внимательно оглядев Дашу и даже улыбнувшись ей, он направился к продавщице.

– Чтоб скрасить тоскливый рабочий день, – мужчина положил на прилавок шоколадку.

– С чего вы взяли, что он тоскливый? – девушка недовольно дернула плечами.

– Мне так показалось. Или с утра вы просто не выспались? – видя, что девушка не собирается поддерживать беседу, мужчина придвинул презент поближе, – у вас сегодня не сокращенный день? А то б сходили куда-нибудь. Вечером, правда, у меня поезд, но до вечера...

– Знаете, у меня есть с кем куда-нибудь сходить! – отрезала продавщица и отвернулась.

– Жаль. Я не имел в виду ничего такого. Показали б мне город – с красивой девушкой, оно приятнее, чем одному, – сделав шаг к витрине с гномами, мужчина оказался рядом с Дашей, – а вы знаете, что настоящие, они совсем не такие, как эти клоуны?

Даша догадалась, что это и есть утренний псих, поэтому взглянула на мужчину с интересом. Она несколько иначе представляла себе сумасшедших, а мужчина, обрадованный даже таким ничтожным вниманием, сразу переключился на нее.

– Я, вот, девушке уже говорил, что гномы выглядят не так. Поверьте, я-то знаю – они столько для меня сделали!..

Мужчина стоял спиной к прилавку и не мог видеть, как продавщица, высунув язычок, покрутила пальцем у виска. Даша же видела это и была с ней полностью согласна, но у нее вдруг возник совершенно гениальный план.

– Клево, – она улыбнулась, – а вы расскажете про гномов?

– Конечно! – похоже, не часто события развивались по подобному сценарию, и глаза мужчины засияли восторгом, – меня зовут Андрей Иванович. Можно просто Андрей. А вас?

– Просто Даша.

У продавщицы сделалось такое лицо, что Даша чуть не расхохоталась, но гораздо больше ее интересовала реакция совсем другого человека. ...*Сейчас гляну на его рожу*, – подумала она злорадно, – *пусть считает, что у меня есть взрослый «спонсор»*. *Может, тогда отвалит раз и навсегда...*

Выйдя на улицу, Даша уверенно взяла Андрея под руку и оглянулась. Колобок сидел в машине, внимательно наблюдая за происходящим. ...*Вот тебе, урод!*.. – для полноты эффекта Даша склонила голову к своему спутнику.

– И где же вам удалось отловить гномов? – спросила она, но Андрей, похоже, хотел выжать из благосклонности красивой, незнакомой девушки максимум.

– Давайте, зайдем куда-нибудь, а то на улице как-то... – он чуть замедлил шаг, изучая при этом нежданную слушательницу.

– Знаете, – Даша решила обнаглеть окончательно, благо,

взгляд Андрея был совсем не таким липким и противным, как у Колобка, – вообще-то я собиралась поесть.

– И где же? А то я не местный.

– Вы из страны гномов? – Даша засмеялась.

– Да нет, – Андрей тоже улыбнулся, оценив шутку, – я из Питера, а здесь в командировке. Не подумайте дурного, мне просто скучно. Хочется ж поговорить не только о делах...

– ...и вы придумали байку про гномов? – догадалась Даша.

– Нет, не придумал. Я вам расскажу. Итак, куда мы идем?

– Вообще, я обожаю «Макдоналдс». Здесь два шага...

– Уж увольте, – Андрей покачал головой, – я, наверное, человек старой формации.

Даша не стала уточнять, какая это такая «формация», так как по жизни прекрасно обходилась без этого слова. Они свернули за угол, скрывшись из поля зрения Колобка. Даша подумала, что теперь руку можно и опустить, но идти на каблуках по разбитому асфальту было гораздо удобнее, имея точку опоры, поэтому решила оставить все как есть.

– А вон то кафе нормальное, не знаете? – Андрей указал на вывеску прямо по ходу.

– Не знаю. Я в клубах тусуюсь, а это, в натуре, жральня.

– Так мы и идем, чтоб поесть, поговорить.

– Только денег на кафешку у меня нет.

– Обижаешь, – Андрей улыбнулся и с опозданием спро-

сил, – перейдем на «ты»?

– Давайте, – Даша согласилась, хотя знала, что вряд ли у нее это получится – Андрей был раза в два старше, а такая разница всегда ставила ее в рамки привитых с детства условностей.

Кафе оказалось маленьким, но даже из имевшихся пяти столиков лишь за одним сидел мужчина, торопливо сменяя с большого блюда что-то очень красивое.

– Прошу, леди, – Андрей помог спутнице снять куртку и заботливо отодвинул стул. Сам он уселся напротив и сразу достал сигареты, – куришь?

– Реально, нет, – Даша сморщила носик, – балуюсь иногда.

– А что пьешь?

– Вообще, коктейли, но сейчас ничего не буду – мне еще надо реферат написать и завтра зачет пересдать одному козлу.

– Понятно. Новое поколение выбирает здоровый образ жизни, – Андрей уважительно кивнул, – но хоть ешь не только низкокалорийные продукты?

– Ем я все, – Даша засмеялась, – говорю ж, что тащусь с «Макдоналдса».

– На мой взгляд, это последняя стадия гастрономической деградации. Ну, да ладно... А здесь симпатично.

(Разговор получался, вроде, ни о чем – как раз такой, как Даша любила. Ее ужасно напрягали серьезные беседы, где требовалось иметь свое особое мнение).

К тому времени, когда на белой скатерти расцвела пестрая клумба салата, Даша уже забыла по какому поводу они познакомились, но Андрей напомнил сам, проглотив крошечную рюмку водки и сунув в рот сигарету.

– Так вот, гномы... – произнес он задумчиво, – ты на каком курсе учишься?

– На втором. Я буду есть, да? – Даша придвинула тарелку.

– Конечно. Я уже обедал, так что не обращай внимания. Получается, я был на три года старше тебя – как раз политех закончил, и распределили меня на завод. Знаешь, что такое пресс? Или, к примеру, молот?

– Станки какие-то, наверное.

– Почти угадала. Но это неважно – просто их там делали. Походил я, пообщался с народом – скукотища смертная. А я был, как раньше говорили, романтик. Сейчас и слово-то такое забыли... – Андрей уставился в окно, и Даша была этому рада – салат, оказавшийся на удивление вкусным, интересовал ее гораздо больше ностальгических сентенций, – мне хотелось приключений, понимаешь? – Андрей снова повернулся к девушке, – тебе хочется приключений?

Даша почувствовала в вопросе подтекст и испуганно мотнула головой, но Андрей, похоже, имел в виду совсем другое.

– Вас сожрал быт, – он горестно вздохнул, – а в наше время ехали на ударные комсомольские стройки... ладно, бог с ними, со стройками – я туда тоже не ездил. Короче, приглядел я себе место в отделе пуско-наладки. Классное место!

Катаешься по всей стране, никому не подчиняешься, а деньги платят, по тем временам, очень приличные. Не жизнь – полный кайф! Гостиницы, девочки, рестораны... Но!.. – Андрей скосил взгляд на графинчик и не встретив возражений, вновь наполнил рюмку, – ребята туда требовались грамотные, а я кто – хрен моржовый после института. У тебя, вот, какая специальность?

– Мировая экономика.

– О! – Андрей поднял рюмку, – мировая!.. Ты хоть раз за границей была, чтоб представлять их экономику?

– Нет, – Даша усмехнулась.

– Вот и я так же. На бумаге все было понятно, а как подошел к железу!.. Ладно, это к делу не относится. Отправляют меня в первую командировку стажером при некоем Стасе. Шеф предупредил, что спец он отличный, но иногда выпивает. Я сначала обрадовался – думал, это ж лучше, чем какой-нибудь зануда, но не предполагал, что «иногда» выглядит именно так. Началось все с поезда. Он уже пришел в такую «нулину», что я еле-еле на полку его закинул...

– Можно? – Даша отставила опустевшую тарелку и протянула руку к сигаретам.

– Запросто. Так вот, утром приезжаем на завод, – Андрей чиркнул зажигалкой, – а машина под наладку не готова, и отправляют нас в общагу, отдыхать. По дороге набрали винища – Стас сказал, что обмывать приезд – это традиция. В результате, нажрались так, что я еле до сортира добе-

жал – чуть в коридоре не блеванул. Отдал, значит, все «белому другу»...

– А нельзя без подробностей? – брезгливо поморщилась Даша. Она уже решила, что слушать весь этот бред совсем не обязательно, но и уходить от только поданного «горячего» не хотелось. Затушив недокуренную сигарету, она приступила к полупрозрачной рыбе, вальяжно устроившейся среди художественного беспорядка овощей.

– Конечно, можно, – Андрей кивнул, – в конце концов, добрался я до постели и рухнул. Только закрыл глаза – возникло ощущение полета. По пьянке, невесомость – это нормальное явление, но тут я конкретно летел и оказался в жутком мире, состоявшем из мрачных скал, ледяных торосов, загромаздивших узкие заливы, и деревьев, которые стояли вокруг непроходимой стеной. Жуть, короче. И тут появился *Он* — тот, по сравнению с кем, окружающий ландшафт показался мне радостной лубочной картинкой. *Он* подпирал небо; у него было восемь рук, а сколько ног, я не мог разобрать за деревьями, доходившими чудовищу до колен. Но главное, лицо... вернее не лицо, и даже не морда – это был лик ночного кошмара. Кошмар смотрел мне прямо в глаза!..

Даша попыталась представить описанное существо, но дальше киношного «Чужого» фантазия не шла, и поэтому было совсем не страшно.

– Наверное, во время таких снов люди умирают от сердечных приступов, но мне повезло – утром я проснулся. Состо-

ание, конечно, сама понимаешь, а Стас, вообще, спал на полу с сигаретой в руке – как он пожар не устроил, до сих пор не пойму. На полу «бычки», пустые бутылки, куски хлеба; над закусью мухи летают, из колбасы торчат сгоревшие спички. Представляешь, да? Но на работу мы пошли. По дороге я спрашиваю Стаса – тебе, когда перепьешь, что снится? Он сначала прикалывался насчет зеленых человечков, а когда я ему рассказал про восьмирукого, то спокойно так говорит – его зовут Старкад; и все, и замолчал. Я решил, что он пошутил – ну, типа, придумал какое-то бредовое имя.

Заходим в цех, а я ж первый раз попал в настоящую кузню. Ощущение жуткое!.. Оно и так после вчерашнего хреново, а тут, вместо солнца, зловещий красноватый свет от печей; людей в полумраке не видно, и только раскаленные болванки плывут мимо, да молота долбят так, что земля трясется; искры с бойков летят во все стороны. Ужас похлеще того Старкада! Правда, в цехе нас обрадовали – электричества, говорят, нет, поэтому идите, отдыхайте дальше. Взяли мы пива, сели в скверике, и стал Стас меня просвещать, насчет молотов... – видя отсутствующий Дашин взгляд, Андрей поспешил ее успокоить, – я понимаю, тебе не интересно, но потерпи – сейчас дойдем до сути.

Даша чуть не ляпнула, что и суть ей тоже не интересна, но тактично промолчала.

– Естественно, пивом мы не ограничились, и к вечеру я опять был в хлам. Стас пошел искать телевизор, а я лег спать,

чтоб хоть завтра добраться до этого чертова молота в нормальном состоянии; закрыл глаза, и все кругом загрохотало, а темноту прорезали два ослепительных луча. Настоящего метро я тогда еще не видел, а по фильмам оно выглядело примерно так же. Только я это подумал, из тоннеля возник голубой вагон. За стеклом маячил одинокий машинист в фуражке с красным околышем. Страх сразу прошел, и сон из кошмара превратился в приключение. Я увидел, что нахожусь на платформе. Передо мной остановился поезд; с шипением разъехались двери, но никто не вышел – люди внутри продолжали дремать, читать газеты. Я не знал, куда идет поезд, но в вагон зачем-то вошел. Голос объявил, что двери закрываются, но станцию не назвал, и понеслись мы в темноту.

Возле двери я увидел схему, похожую на паука с разноцветными лапами, однако возле «суставов» названия станций тоже не были написаны, а самого паука звали «Схема метрополитена». Какого метрополитена, хрен его знает?..

Навстречу летели огни, которые исчезали, не успевая ничего осветить, а когда поезд остановился в очередной раз, я почему-то вышел. Интерьер станции составляли странные фигуры, державшие свод. Их головы венчали рогатые шлемы, но, в целом, они совсем не походили на людей – скорее, нагромождение бесформенных скал. И тут я сообразил, что все они напоминают Старкада – много-много каменных Старкадов! Как будто вчерашний кошмар размножился и за-

мер, готовясь обрушиться на меня. Я бросился к эскалатору и уже хотел прыгнуть на ступеньку, но появилась девушка в красной шапочке и сказала:

– Пожалуйста, оплатите выход.

Бред, конечно, но, в принципе, во сне ж все возможно. Полез я в карман за кошельком. Что там были за деньги, не знаю, но не рубли, не евро и не доллары; зато сколько! Протягиваю купюру, а девушка говорит – мне нужно то, чего у тебя еще нет, так что езжай дальше. Как это, спрашиваю, можно не выпускать человека из метро? Я что, должен жить тут, как бомж?.. А девушка подносит к губам свисток, и смотрю, в конце перрона появляются два вполне реальных мента с дубинками. А тут как раз подошел следующий поезд. Я быстренько заскакиваю туда; огляделся – кругом нормальные пассажиры. Один мужик даже газету читает, по тем временам, самую обычную – «Правда». Я решил, что просто нарвался на сумасшедшую дежурную, но на следующей станции история повторилась, и на следующей тоже. С одной стороны, каким-то шестым чувством я отдавал себе отчет, что это всего лишь сон, но, с другой, выглядел он настолько реально, что ничем не отличался от жизни. Ты понимаешь, о чём я говорю? – Андрей резко подался вперед, и Даша даже перестала жевать, испуганно глядя на него, – представь, что сон – это жизнь, а жизнь – это сон!

– Никогда не думала... – заморожено начала Даша, но Андрей неожиданно улыбнулся.

– Нет, жизнь, конечно, это жизнь, а сон, это сон – я потом убедился, но тогда, хоть и не страдаю клаустрофобией, почувствовал, что задыхаюсь, отделенный толщей земли от привычного мира; даже в глазах потемнело. Я схватил ртом воздух... и ощутил себя лежащим на постели.

Даша облегченно вздохнула, но рыба уже не привлекала ее.

– А дальше? – она отодвинула тарелку и не спрашивая, взяла сигарету.

– Дальше оказалось, что скоро полдень, только небо затянуло тучами, поэтому выглядело все, вроде, еще утро. Как я обрадовался, что надо идти на работу! Разбудил Стаса, но тот никуда идти не собирался. Как-то красиво он тогда сказал... – вспоминая, Андрей наморщил лоб, – кто, говорит, рано встает? Птица жаворонок. А кто поздно ложится? Птица сова. А, вот, кто поздно ложится и рано встает – это больная птица, дятел зовется.

– Прикольно, – согласилась Даша, – надо запомнить.

– Запомни. Короче, пошел я на завод один. Электричество подвели – то есть, надо пускать машину, а я ж без Стаса боюсь. Все смотрят, и механик, и слесаря, и кузнецы. Зажмурился я, ткнул кнопку, и молот «задышал»... знаешь, он, как человек, когда воздух внутрь станины сбрасывается, такой звук получается!.. Ладно, – Андрей прервал лирическое отступление, – короче, баба поднялась...

– Какая баба? – не поняла Даша.

– Баба – это штуковина, которой бьют по заготовке. Ну, называли так – фиг его знает, почему... Даш, ты не представляешь, какой восторг меня охватил, когда все заработало! На радостях переключаю режим, а баба еще разок высунулась, типа, молот язык нам всем показал, и упала; дернулась пару раз и совсем замерла. Я по новой – эффект тот же. О, я перепугался! Начал вспоминать все, что Стас вчера рассказывал, и ведь вспомнил! Он говорил, что по регламенту надо цилиндры расконсервировать, но никто этого не делает, потому что там «все в елку». Начали мы цилиндры разбирать...

Даша искоса взглянула на часы, потому что конструкция молота не привлекала ее абсолютно точно – у нее хватало своих проблем, вроде, завтрашнего зачета.

– Даш, – Андрей, перехвативший ее взгляд, вскинул руку, – я все понял, но про цилиндры, это важно. Так вот, за смену мы их разобрали, нашли одно «залегшее» кольцо, но собрать не успели. Вечером возвращаюсь в общагу, а Стас, пока вчера телевизор смотрел, познакомился с Верой – то ли вахтер она, то ли уборщица; и сидят они у нас в комнате, бухают. На столе море бутылок, а из закуски – только «ржавая» килька в мутном пакете плавает. На газете воняет гора рыбьих голов. Вера у Стаса на коленях сидит, тоже пьяная. Короче, бомжатник полный. Но мне-то по фигу, я ж машину почти сдал! Влился я в коллектив, тем более, Стас сказал, что бумаги подпишем и завтра домой.

Когда я потом отрубился, это «завтра домой» продолжало

стучать в мозгах, и ритм стал все больше походить на стук колес. Открываю глаза (причем, я не чувствовал себя пьяным!) и вижу, что опять нахожусь в странном метро с безмянными станциями и сумасшедшими дежурными, только теперь мой вагон пуст. Но это был тот же вагон – я запомнил его по грязному сиденью. Во, думаю, приколы – вернуться во вчерашний сон и досмотреть его!..

Поезд, не останавливаясь, пронесся мимо нескольких станций. Они возникали яркими пятнами в темноте тоннеля, но пока я пытался разглядеть их, уже исчезали. Сначала я хотел сорвать стоп-кран, но потом решил, что это нормальное развитие сюжета, и мозги у меня еще работают – если меня не выпустили на станциях, значит, я еду в депо, где нет этих идиотов в красных шапках; там я спокойно выйду в город, поймаю тачку – я ж помню, денег у меня куча.

Опять возникло ощущение «второй реальности», где я мог быть вовсе не инженером-наладчиком. Попытался перебирать профессии, придумывать лица знакомых, но все воспоминания тянулись из моего первого мира. Тогда я окончательно пришел к выводу, что никакой параллельной жизни нет, и тут поезд остановился прямо в тоннеле. Когда двери открылись, я воспринял это как приглашение и шагнул в темноту. Двери тут же закрылись, свет в вагонах погас, и по удаляющемуся стуку колес я понял, что остался один.

Тишина была всеобъемлющей. Я даже подумал, что умер и попал в загробный мир. Представляешь мои ощущения –

сделать открытие, что никакой смерти нет?..

– Не представляю, – Даша скептически покачала головой.

– А я представил!.. Но нельзя же было тупо стоять посреди пространства? Я огляделся, и когда глаза привыкли к темноте, увидел впереди тусклое багровое свечение. Оно явно ассоциировалось с адскими котлами, поэтому я решил идти в другую сторону, но там, прямо за рельсами, оказалась глухая стена. Поднял взгляд – ни звезд, ни луны, только ровное, как потолок, черное небо. Короче, я находился в помещении.

Осторожно двинулся вперед, поскольку других вариантов не было. Сколько я шел, не знаю, но свечение становилось ярче, и в нем стали возникать силуэты, то ли машин, то ли сооружений, и тут гулкий удар сотряс воздух. Я присел от неожиданности, но ничего страшного не произошло. Вслед за первым ударом раздался второй, потом третий... Словно откликаясь, возникали все новые и новые источники звука. Прошло несколько минут, прежде, чем я вспомнил – так стучали молота!.. И чуть не расхохотался – я-то навоображал себе параллельные миры, а это лишь трансформация прошедшего дня; это сон в самом заурядном смысле слова!.. А багровые отсветы – скорее всего, печи с раскаленными заготовками.

Дальше я пошел смело, выискивая взглядом то, что должен был увидеть; и увидел – горбатые силуэты молотов и прямоугольники печей с раскрытыми зевами. Самое смешное, думаю, если появится главный механик, но вместо него

увидел гнома с черным лицом. Ростом он был с ребенка лет пяти. Гном проследовал мимо; я за ним. Возле неработающего молота возились еще несколько таких же маленьких «негров». Куда идти дальше я не знал, поэтому решил познакомиться с «коллегами». Ни мое появление, ни то, что я представился наладчиком, ничуть их не удивили, и говорили мы, вроде, на одном языке...

– Так вы же их сами придумали, – Даша разочарованно пожала плечами.

– Умница! – Андрей захлопал в ладоши, – я так же решил! А теперь слушай дальше. У них, выражаясь нашей терминологией, «срывался план» – оказывается, до утра они должны были выковать копьё для моего старого знакомого – Старкада. Ну, здесь все, вроде, сходится – один сон вытекает из другого... так вот, у них повторялась моя ситуация – тоже самопроизвольно падала баба. А я ж стал грамотный – разбирайте, говорю, цилиндры! Как гномы принялись хохотать. Я не понял, в чем дело, а их главный говорит – какие цилиндры, наладчик хренов? Это утечка воздуха через нижний кран, потому что в станине, над правыми окнами, раковина. Понимаешь, – Андрей прищурился, внимательно глядя на Дашу, – у меня в институте по ковочным машинам тройка была – я схему воздухораспределения молота до сих пор не помню, и мне просто не могла прийти в голову такая идея. Короче, предложил я гномам пари – если дело в цилиндрах, они выводят меня в город и ведут в кабак, а если

нет... тут я их спрашиваю – чего вы хотите, если выиграете пари? А они мне хором – все решит Сюр. Но мне ж по фигу, что там за Сюр – я-то уверен, что прав. Тут болты стали выкручиваться сами собой, крышки цилиндров повисли в воздухе – в общем, все как положено во сне, но фокус в том, что и цилиндры, и кольца оказались в идеальном состоянии. Все также мгновенно само собралось обратно, а молот не работает. Гномы прыгают от радости и орут: – Сюр! Сюр!!.. У меня сразу ассоциация: «сюр», то есть «сюрреализм». Думаю, пора бросать наладку, да учиться рисовать свои пьяные видения. Стану великим, как Сальвадор Дали. Помнишь, его «пылающего жирафа», «текущее время»?..

Даша виновато пожала плечами, но Андрей не стал заострять внимание на живописи.

– И тут я почувствовал, как вместе с полом поднимаюсь вверх; через секунду я увидел два голубых озера, вода из которых почему-то не выливалась, хотя стояли он вертикально, будто фотографии на стене. Присмотревшись, я понял, что это огромные глаза в ресницах поросших лесом берегов, а хребет, разделяющий их, вовсе не хребет, а переносица... Вот это был сюр!.. Дали б помер от зависти!..

– Ты веришь в нас?.. – голос Сюра напоминал рев моря, однако слова каким-то образом отпечатывались в сознании.

– Конечно! – выпалил я, не задумываясь. В тот момент я ни во что не верил, но сон ведь не зависит от твоих желаний; там ты – марионетка, тупо играющая роль. Поверил я

потом... – Андрей замолчал, видимо, заново переживая то, о чём не собирался рассказывать, и миновав сакральную зону, вздохнул, – голубоглазое нечто дунуло в ладонь – полетел я пушинкой кувыркаясь в воздухе, и проснулся.

Обычно после пьянок сознание пробуждается медленно, а тут я открыл глаза и все – будто не спал вовсе. Увидел белый потолок, почуял табачный дым; потом повернул голову – Стас мрачно сидел за столом с сигаретой в руке. Оказывается, ночью он еще бегал в магазин, и то ли потерял деньги, то ли их украли – хотя мне кажется, они с Верой пропили все.

Стас, когда трезвый, нормально в машинах соображает, а тут деньги-то кончились – хочешь не хочешь, протрезвешь. Рассказал я ему о своих вчерашних успехах, так он глаза вылупил – ты чего, говорит, дурак? Если «залегли» кольца, все совсем по-другому происходит, а это что-то с нижним краном. Я так и сел.

А дальше – больше. На завод пришли, разобрал он кран и оказалось – действительно, литейная раковина конкретно над правыми окнами! Как гномы говорили!..

До вечера все он там сделал, машину мы сдали и уехали. В поезде мне ничего не снилось, и дома тоже, а как в новую командировку поехал, сразу появились «черные ребята» со своими советами. Короче, через год я стал лучшим наладчиком отдела... как, вот, ты это можешь объяснить?

– Никак, – Даша еще не успела даже переварить инфор-

мацию, а с нее уже требовали ответ! Хотя, возможно, никто его и не требовал...

– Я часто думал, откуда чего бралось, – продолжал рассуждать Андрей, – для ангелов те гномы рожей не вышли, а для демонов, они слишком славные. И кто такой Сюр? Бога такого нет – я потом, ради интереса, все религии прошерстил. Но это и не Дьявол – у того ведь задача, души собирать, а Сюр душу мою не требовал. Он только хотел, чтоб я в него верил – а как тут не верить, если все, что гномы скажут, то и происходит.

– Может, это инопланетяне? – выдала Даша самую расхожую версию.

– Возможно, – Андрей пожал плечами, – я думал и об этом. Но инопланетянам разве надо, чтоб в них верили? Они ж, наоборот, стараются быть незаметными, а за свои услуги потом забирают людей для опытов. По крайней мере, в кино так показывают. В принципе... – он засмеялся, – я готов – пусть ставят опыты, только желательно, когда я состарюсь, и мне ничего не будет хотеться от этой жизни. Была еще версия, что они пришельцы не из космоса, а, типа, подземной цивилизации... метро, там, и все такое. Но тогда вообще не понятно, чего им здесь надо – по мне, сидели б тихонько, чтоб люди не набурили к ним всяких скважин. Как думаешь?

Если б Даша услышала подобную историю по телевизору, то наверняка б посмеялась – мать как-то давала ей ста-

тью, что все сенсации придумывают сами телевизионщики исключительно ради рейтингов, но здесь-то сидел человек, не получающий с этого никаких дивидендов!..

...Какой смысл грузить меня лапшой?.. Надеется, что я расту?.. Хотя он же сказал, что вечером уезжает, – вспомнила Даша, и, тем не менее, сознание отказывалось принимать сказку за реальность... хотя и очень хотелось.

– Вы же общались с ними... ну, насчет «баб» и всего такого. Вы у них самих не спрашивали, кто они и откуда?

– Спрашивал. Но они ответили, что я должен просто верить в Сюра. И знаешь, в этом есть логика – любое знание рождает потребность в дальнейшем изучении предмета, а вера... это, как Бог. Никто ведь не пытается выяснить, откуда он пришел, какой он из себя – каждая религия представляет его по-своему, и все довольны... Да! Я ведь обращался и к психологам, которые специализируются на снах. Так вот, они мне все объяснили популярно и без мистики – у людей, мол, случаются озарения, когда сознание входит в контакт с мировым информационным полем. Типа, как таблица у Менделеева. А у меня, вот, озарения приняли такой экзотический вид, только и всего. В принципе, я не против этой трактовки, но!.. Допустим, гномы, есть фантазийная форма озарения – но тогда ими все должно и ограничиться. А откуда взялся Старкад? Зачем этот урод мне являлся? А ведь он связан с гномами – они ж ему ковали копье. А сам Сюр, который вообще выступает главным? Если озарение, каса-

лось чисто техники, как у того же Менделеева, химии (ну, кто на чём специализировался), то какой смысл в подобных персонажах? Они вписываются в схему, только если все-таки имеет место неизвестный нам могущественный мир, согласна?

Дашино сознание, метавшееся среди творившегося в голове сумбура, никак не могло занять четкую позицию, поэтому, вместо ответа, она спросила:

– И чем все закончилось?

– А ничем, – развел руками Андрей, – начальник отдела ушел на пенсию, и меня, как лучшего, поставили на его место. Правда, продержался я там не долго. Сначала парень сорвался с пресса и разбился на смерть; потом одному отрубило руку, и пока до больницы довели, он умер от потери крови; потом... короче, это уже другая история. Ушел я из отдела в бизнес, не связанный с прессами; голова была забита с утра до вечера другими проблемами, поэтому стал я забывать, и про гномов, и про Сюра, и они исчезли сами собой. Я до сих пор не знаю, что это было... – Андрей посмотрел на часы, – еще что-нибудь хочешь? А то скоро у меня поезд.

Даша перевела взгляд на недоеденную рыбу – для ее возбужденного сознания это было, как холодный душ, и брезгливо покачала головой.

– Тогда пойдем? – Андрей положил деньги в оставленное официанткой меню и поднялся.

Выйдя на улицу, они остановились.

– Моя гостиница там, – Андрей указал направо.

– А мне на остановку, – Даша дежурно улыбнулась, – спасибо за обед и за клевую историю.

– Не за что. Я всем ее рассказываю – может, кому пригодятся мои гномы.

Пожав Дашину руку, Андрей направился в свою сторону, а Даша поспешила к подъезжавшей маршрутке. Устроившись у окна, она оглянулась – недавний собеседник стоял у перехода, ожидая, пока загорится зеленый; потом маршрутка тронулась, и он исчез из вида.

Когда никто не задает вопросов, мысли сами собой приходят в определенный порядок. Молот, который Даша реально не могла даже представить; гномов, бывших «бесплатным приложением» к нему, и жуткого в своем неправдоподобии Старкада, она отмела сразу как ненужный антураж, а, вот, загадочный Сюр ей очень понравился. Глядя на предновогоднее убранство улиц, она принялась фантазировать, мысленно составляя «хит-парад» сверхъестественных существ, к которым он мог бы принадлежать. Первую строчку, естественно, заняли растиражированные инопланетяне; потом шли призраки и прочие герои мистических триллеров, а последнее призовое место досталось богам – персонажам наиболее абсурдным, с которыми Даша не знала, как себя вести.

...О, если б Сюр явился ко мне!.. Блин, тогда можно и не готовиться к сессии – выучила один билет и взяла его...

а Ромка сам бы бегал за мной! Во, класс!.. Чего он там просил; чтоб в него верили?.. Фигня какая! Сюр, слышишь, я в тебя верю!.. – Даша испуганно огляделась, но ничего не произошло, если не считать того, что маршрутка остановилась на ее остановке.

Светлый шар беззаботного будущего, поглотивший ее, резко потускнел, едва она увидела заваленный учебниками стол; вздохнув, Даша достала флешку с рефератом. Загудел принтер, сбрасывая в лоток отпечатанные листы. Даша пробежала их глазами и шар погас вовсе... или растаял в воздухе, как инопланетная тарелка.

*

– До свидания, Галина Васильевна...

Женщина повернула голову, собираясь ответить, но увидела лишь обгонявшую ее ярко красную шуршащую спину.

...И нужно им мое «до свидания»? — подумала она, – я для них пока еще не мебель, но уже, вроде того. «Галина Васильевна»... сразу чувствуешь себя старухой. А ведь я совсем не старуха – просто они все такие молодые; почти как Дашка. Получается, я и правда, старуха, если гожусь им в матери... (нельзя сказать, что до этого ее настроение было радостным, а теперь испортилось вовсе) ...я не хочу быть старухой! Не хочу!.. – толкнув тяжелую дверь, она шагнула на улицу и остановилась, словно оказавшись в новом для се-

бя мире.

Подобное ощущение возникало каждый день, потому что в крохотной приемной совсем не было окон, и жизнь давно превратилась в бесконечную полярную ночь, когда приходишь из утреннего сумрака и возвращаешься в сумрак вечерний. Нет, на свою работу она не жаловалась, ведь, как и всем, секретарше полагались выходные, но за неделю скапливалось столько дел, что опять же удавалось увидеть лишь утро и вечер.

...Похоже, природа сошла с ума... – Галина Васильевна глубоко вздохнула, наполняя легкие густым влажным воздухом. Последнюю неделю она искренне надеялась, что, пока приказы и служебные записки раскладываются по папкам, а лампочки на мини-АТС исполняют свою цветомузыкальную сюиту, природа, одумавшись, вернет зиме истинный смысл – засыплет улицы пушистым снегом, украсит инеем деревья, и прорубив серые облака, распахнет прозрачное голубое небо. Галина Васильевна хорошо помнила такие зимы – лет тридцать назад. Может, тогда и настроение бы поднялось, и чувствовала бы себя она моложе, а то какая-то вечная осень...

...Везде осень, и на улице, и в душе, – Галина Васильевна смотрела на разноцветные гирлянды, нарисовавшие в витринном стекле елочку, – *а с чего б настроению подниматься, если опять Новый год? Еще год бездарно прожит...*

Этот садистский праздник она ненавидела больше дру-

гих – такой он всегда бесконечно длинный и одинокий, будто специально создан, чтоб успеть оглянуться назад и осознать, что большая часть жизни, оказывается, прошла. ...*Господи, да почему прошла-то?!..* – Галина Васильевна попыталась взбодрить себя, – *кто сказал, что сорок – это уже конец? Если говорят, что в сорок пять баба ягодка опять, то я, вообще, цветочек!..*

Найденное сравнение развеселило ее, и мысли вернулись к обычным проблемам – например, чем они с Дашей будут ужинать и какой фильм она собиралась смотреть по третьему каналу. ...*Забыла... Ну, и неважно. А, вот, сосисок надо купить. Странно, я ж, вроде, неплохо готовлю, а Дашка молотит всякую покупную дрянь... Спасибо, хоть суп ест, а то к диплому заработает гастрит. Разве можно целый день без горячего?.. Вот, уже и рассуждаю, как старуха, – поймала она себя, – значит, все правильно, Галина Васильевна...*

Подойдя к гастроному, она остановилась. Жуткие видения начала перестройки тут же всплыли в памяти, едва Галина Васильевна увидела толкавшихся в узком проходе людей. Это сразу напомнило ей, как за молоком для Дашки приходилось вставать в пять утра, а за кусок мяса, купленный без очереди, могли просто убить. Все-таки Галина Васильевна решила втиснуться в толпу, но сразу пожалела о своем необдуманном поступке – вид разъяренных, матерящихся людей, отчаянно лезших к прилавкам, размахивая чека-

ми, привел ее в ужас. Она не понимала происходящего, и это лишь подчеркивало, что мир выбросил ее из единства, связывавшего всех подготовкой к общим праздникам.

...Зачем все это?.. Мне надо только полкило сосисок, а в новогоднюю ночь меня вполне устроит обычный винегрет. Потом забежит Дашка... все-таки она хорошая девочка – у других дети даже не звонят... Может, наконец-то приведет парня?.. Или опять придет с подругами? Был же у нее этот... впрочем, неважно – все равно они уже расстались...

Галина Васильевна вспомнила, как в прошлом году на десять минут к ней ворвался настоящий праздник – со смехом, запахом морозной свежести, фонтанами бенгальских огней и россыпью конфетти, которые утром пришлось пылесосом собирать по всей квартире.

...А какие все были красивые!.. Будто, действительно, в эту ночь происходят чудеса...

Толстый мужчина с туго набитым пакетом теснил Галину Васильевну в угол – она отступала, толкая еще кого-то, и мысли, свободными птицами парившие среди воспоминаний, как глупые куры вернулись на свои насесты.

...Да черт с ними, с сосисками! В конце концов, поджарю яичницу, а завтра оставляю деньги – пусть Дашка днем сходит... – Галина Васильевна попыталась развернуться, чтоб пристроиться в кильватер толстому «ледоколу», и почувствовала, что нога ткнулась во что-то мягкое. Опу-

стила взгляд и увидела человека. Нет, он не упал – он сидел на грязной картонке... и даже не сидел, а стоял на коленях! Галина Васильевна узнала старуху, которая каждый день протягивала руку входящим и выходящим, монотонно бормоча: – Подайте ради Христа...

...Миленькая, ты решила, что в праздники подают больше? Нет, праздник у каждого свой, и каждый думает только о нем – по собственному опыту знаю... — Галина Васильевна уперлась рукой в стену, чтоб не задавить нищенку. Та подняла голову, и оценив ее усилия, печально улыбнулась. Лишь мгновение Галина Васильевна видела ее лицо, но этого оказалось достаточно, чтоб понять – необходимо что-то сделать, чтоб избавиться от невольно возникшего чувства вины. Свободной рукой она с трудом залезла в карман, вытащила приготовленную на маршрутку мелочь, но ее снова толкнули и монетки посыпались вниз. Тут же людской поток понес ее к двери и через минуту выбросил наружу. Здесь Галина Васильевна вздохнула свободно. Эмоции рассеялись в промозглом воздухе, и оглянувшись на оставшееся позади безумие, она не спеша направилась к остановке.

В отличие от магазина, в маршрутке вовсе не чувствовалось преддверие праздника.

...Наверное, потому что здесь нет, ни мигающих огоньков, ни душистых сосновых лап, – догадалась Галина Васильевна, усаживаясь на свободное место. Дверь захлопнулась, и за окном побежали до боли знакомые улицы, – ни-

какого праздника. Это ведь люди сами придумывают себе такое развлечение. Почему, вот, Новый год должен наступать первого января, а, например, не пятнадцатого марта, в мой день рождения? Ведь глупость! А если так, то нет ничего страшного, если эту ночь я просижу, глядя в телевизор... Может, у меня будет другой праздник – не такой, как у всех!.. И какой же?.. Ну, естественно, когда Дашка выйдет замуж, потом, когда у нее кто-нибудь родится... Пожалуй, я далекоовато махнула, а поближе...

Галина Васильевна задумалась, но не смогла подобрать ничего конкретного. В памяти возникали знакомые, но уже утратившие имена, лица; фрагменты вечеринок с танцами, которые давно никто не танцует, и платья, двадцать лет назад вышедшие из моды. Все это было так же далеко, как и Дашино замужество, только в другую сторону по временной шкале.

...А где я сейчас?.. – Галина Васильевна взглянула в окно и увидела, что подъезжает к дому, – вот и ответ, простой и естественный. Как бы не хотелось окунуться в прошлое с его терпким ароматом юности или улететь в будущее, где обитают надежда и вера – почему-то всегда побеждает настоящее. Настоящее, оно и есть самое настоящее...

Выйдя из маршрутки, Галина Васильевна свернула во двор и первым делом подняла взгляд к окнам четвертого этажа. Она всегда так делала, и когда в окнах было темно, сразу возникал страх. С точки зрения логики, он выгля-

дел смешным, потому что, во-первых, еще совсем не поздно, а, во-вторых, Даша-то не ребенок – ей почти двадцать!.. Но животное начало делало страх за семью не поддающимся законам логики и, следовательно, непобедимым.

Сегодня в Дашиной комнате уютно горел свет, и Галина Васильевна мгновенно успокоилась. Не спеша поднялась по лестнице и открыв дверь, крикнула прямо с порога:

– Доча! Это я!

В комнате с шумом отодвинулся стул. Успев расстегнуть пальто, Галина Васильевна замерла. Она не хотела пропустить момент, когда в дверном проеме покажется высокая, стройная фигура с густыми светлыми волосами, ниспадавшими на плечи. В этот миг она всегда с гордостью думала, что все-таки совершила в жизни хоть один значимый поступок, подарив миру такое красивое существо – почти произведение искусства. (Потом, когда они начинали общаться, это ощущение проходило, потому что многое дочь делала не так, как ей хотелось бы, но это были уже детали).

– Привет, мам.

– Привет, – Галина Васильевна сняла пальто и наклонилась, расстегивая сапоги, – народ с ума сошел. Хотела сосисок купить, а там – в магазин не войдешь!

– Да?.. – рассеянно переспросила Даша, – а у меня завтра последний зачет. Сижу, вот...

– Пряма, тридцать первого? Преподаватели у вас – сядисты.

– Вообще-то зачет позавчера был...

– А ты почему не сдала? – голос Галины Васильевны сделался строгим, ведь Дашка, как ни крути, все-таки еще ребенок, за которого она несет ответственность, а никакого ни «произведение искусства», которым достаточно любоваться.

– Мам, ну, зачем тебе это? – Даша вздохнула, – все я сдам, не волнуйся. Не было у меня одного реферата; теперь есть. Все, я пошла заниматься. Ужинать позовешь.

Даша исчезла в комнате и закрыла дверь, а Галина Васильевна отправилась на кухню; первым делом, включила маленький телевизор, присутствовавший на всех трапезах, в качестве третьего члена семьи. ...*Хорошо хоть, есть не просит*, – Галина Васильевна улыбнулась.

В телевизоре два мужика, переодетых женщинами, кривлялись, раскачиваясь на высоких каблуках и совсем не смешно шутили. Галина Васильевна не понимала, почему при этом зал постоянно взрывался хохотом и аплодисментами ...*Похоже, такова тенденция*, — подумала она, – *женщины уже, и в политике, и в искусстве, и в бизнесе, а мужики пьют водку или пытаются быть похожими на женщин. Выходит, возвращается матриархат?..* От такого предположения она не преисполнилась гордостью, потому что не имела отношения к возвышению женщин ...*Если, вот, Дашка добьется чего-то... Хотя вряд ли – что есть, не исправивши ни воспитанием, ни образованием...*

Происхождение Даши давно являлось запретной темой,

защищенной от проникновения глухой стеной прошлых разочарований. Правда, в стене имелась крошечная калитка, через которую могли прощмыгнуть дотошные кадровики, вечно требовавшие, то заполнить анкету, то написать автобиографию, и тогда калитка открывалась, возвращая ощущение восторга и благоговейного страха перед, как казалось тогда, бесконечно длинной жизнью. Это был мир молодости и глупости... вернее, нет – это был мир мечты, который утратил притягательный блеск обернувшись реальностью, и не стоило вторгаться туда по пустякам, чтоб ночью не рыдать в подушку.

Побродив вокруг «запретной стены», мысли вернулись к дрожавшему на сковородке зыбкому желтому болоту, усеянному кочками обжаренного хлеба.

– Даш! Готово! – крикнула Галина Васильевна. Плеснула в чайник воды и нажала кнопку.

– Терпеть не могу этих уродов, – войдя, Даша первым делом выключила телевизор.

– А кто тебе нравится?

– Ой, мам, ты все равно не поймешь, – она села и придвинула тарелку, – соус дай.

– Пожалуйста, – Галина Васильевна протянула бутылочку с кетчупом, – слушай, завтра-то Новый год. Что-то ты молчишь – какие у тебя планы?

– Я не молчу. Во-первых... – Даша замерла, не донеся до рта гренку, и мечтательно подняла глаза к потолку, –

в одиннадцать сдам зачет этому долбанному Колобку. Потом сразу к Вике – мы у нее собираться будем. Приготовим все на вечер...

– И что собираешься готовить конкретно ты? – Галина Васильевна засмеялась.

– Ну, мам! – сначала Даша хотела возмутиться, но, видимо, решив, что мать права, тоже улыбнулась, – картошку буду чистить. Это-то я умею, согласна?

– Согласна, – Галина Васильевна вздохнула.

Когда Даше было лет тринадцать, она пыталась посвятить дочь в таинства кулинарии, но попытка бесславно провалилась. Это ж давно, когда жизнь еще бурлила за «запретной стеной», умение готовить являлось несомненным достоинством девушки, а теперьрываешь пакет и достаешь... да что хочешь, то и достаешь!..

– Потом приду домой, посплю, – продолжала Даша, наконец отправляя гренку в рот, – а вечером отрываться будем. Ночью погулять сходим, к тебе забегу. Если получится.

– Странный какой-то Новый год, без снега...

– Уж какой есть, – доев, Даша налила себе чай, – мам, а ты веришь в бога?

– В какого бога? – Галина Васильевна удивленно вскинула брови.

– Не знаю. В какого-нибудь. Или в инопланетян, например.

– Даш, что за глупости? Бог... он, может, и есть, а ино-

планетяне – это ж вообще...

– Понятно. Значит, не веришь, – Даша вздохнула, – я сегодня обращалась со странным мужиком. Может, он и сумасшедший...

– Ты не вздумай вступить в какую-нибудь секту, – строго перебила Галина Васильевна.

– Мам, я ж не дура, – Даша посмотрела на нее укоризненно, – да и не звал он куда – он просто рассказывал про гномов. Они приходили к нему по ночам и подсказывали, что надо делать, и все у него всегда получалось. Классно, да?

– Классно, – Галина Васильевна улыбнулась, – глупенькая ты у меня еще.

– Уж какую воспитала, – Даша поставила пустую чашку, – спасибо, мамуль. Пошла учить дальше.

Оставшаяся после ее ухода тишина не угнетала, потому что день секретарши и так проходит в постоянном общении, но все равно что-то было не так – чего-то не хватало.

...Наверное, не хватает будущего, – решила Галина Васильевна, – того, во имя чего начинается каждый день... Дашка уже взрослая – не сегодня-завтра выскочит замуж... тут, правда, подумаешь о Боге... – но поскольку никаких конкретных мыслей о нем в голову не приходило, она снова включила телевизор, где нетерпеливый народ, по старинке, уже стрелял хлопушками и запускал ленты серпантина.

– Новогодняя ночь – это время исполнения желаний, – торжественно произнес диктор.

...Не знаю, не знаю, – мысленно ответила Галина Васильевна, – сколько я пережила этих новых годов, и ни одно желание не исполнилось... А какие ж у меня были желания?..

Она отвернулась к окну. Происходившее там гораздо точнее иллюстрировало ее воспоминания, нежели нарочито веселые эстрадные звезды, потому что за окном было темно, и лишь взлетали одинокие ракеты, которые тут же гасли. В своей жизни подобные «ракеты» Галина Васильевна могла пересчитать по пальцам.

Вздыхнув, она принялась мыть посуду. Потом перебралась в комнату, где стоял другой телевизор – побольше, и хотя цвета в нем казались ярче, но программы-то шли те же самые. В одиннадцать она встала, чтоб пожелать дочери спокойной ночи. Одиннадцать – это было ее время, когда глаза начинали закрываться сами собой, и если «перегулять», то не уснешь часов до двух – она уже пробовала.

Сегодня все прошло удачно – она сразу стала погружаться в пустоту... и вдруг в этой пустоте возникло странное дерево. Его ветки были бесконечны; один корень тянулся в небо, другой стелился по земле...

– ...Мам, ты чего?!..

Галина Васильевна почувствовала, как кто-то тормозит ее за плечо. Картинка мгновенно исчезла, и исходивший от нее ужас, рассеялся. Ощувив мягкость постели, Галина Васильевна открыла глаза. В неярком свете, лившимся из ко-

ридора, она увидела испуганную дочь, которая стояла в одних трусиках, а спутавшиеся волосы скрывали крошечную грудь. Галина Васильевна улыбнулась, осознав, что это ее квартира – ее незыблемый мир, и ее дочь, здоровая и невредимая...

– Ну, ты даешь!.. – Даша зевнула, – мам, ты чего орешь, как потерпевшая? Я уж думала...

– Сон приснился.

– Сны у тебя, блин... – Даша сочувственно покачала головой. Прошлепав босыми ногами, она выключила в коридоре свет и сразу исчезла в темноте.

Галина Васильевна отвернулась к висевшему на стене ковру, вдохнув неистребимый запах пыли. Недавние ощущения она помнила отчетливо, но само содержание сна было явной аллегорией, которую она не могла истолковать, а потому закрыла глаза, просто стараясь думать о чем-нибудь хорошем.

Даша тоже легла, однако некорректно прерванный сон не желал возвращаться. Она героически попыталась освежить в памяти свои познания в мировой экономике, но перед глазами тут же возникла гнусная рожа Колобка.

...Сюр, миленький, подкажи, по какой теме этот козел завтра будет гонять меня? Ну, пожалуйста... – воображение радостно вернуло ее в благостное лоно фантазий, а сон любит всякие фантазии, поэтому не замедлил вернуться. Правда, был он странным и отличался от тех, которые она видела раньше – кто-то монотонным голосом будто чи-

тал вслух книгу без картинок.

«...Седой Старик с длинными спутанными волосами и морщинистым лицом сидел на вершине, глядя вдаль единственным глазом. Второй глаз закрывала черная повязка, но он давно привык обходиться без него, променяв физическое зрение на внутреннее, способное видеть суть вещей и явлений. Такой обмен был осмысленным, и Старик никогда не жалел о своем поступке – теперь он мог ощущать себя в прошлом и будущем, поэтому настоящее являлось, скорее, игрой, нежели ценностью, за которую с таким бессмысленным упорством цеплялись существа, именуемые людьми. Да и что они такое, люди?.. Древесные щепки, в которые он сам вдохнул жизнь!

Оживить щепки – это была смелая идея, не получившая одобрения ни у Фригг, ни у других асов, помогавших обустроить вновь создаваемый мир – лишь чужаки, пришедшие из Гардарики, считали людей не самыми плохими соседями, потому что нечто похожее создали и сами на просторах своих бескрайних степей.

Старик не видел в людях ничего хорошего, но у него имелись свои соображения на их счет, ведь только из людей можно было собрать войско, способное сразиться с обитателями Хель. Ни крошечные мудрые альвы, живущие в горах, ни могучие самолюбивые ётуны не пойдут с ним в Последнюю Битву, а людей можно соблазнить на этот безумный шаг, обещая вечное блаженство, именуемое Вальхаллой.

Только думать о Последней Битве Старику не хотелось, потому что проклятая вёльва, хоть и считалась великой прорицательницей, так и не открыла ее исхода, а это постоянно навевало мрачные мысли. Жаль, что он не может увидеть, чем все закончится – для этого, наверное, надо было отдать и второй глаз, став слепым, как сама вёльва...

Старик смотрел вдаль и думал, как легко живется людям, судьбы которых предрешены, а зрение ограничено двумя глазами. Что они видят? Бурное море, в котором тонут их жалкие суденышки?.. Так ведь это всего лишь река Трунд, через которую могучий конь Слейпнир способен перескочить одним махом. Они даже не подозревают, что в ее водах обитает Мировой Змей, с которым лучшим из них еще предстоит сразиться.

На горизонте люди видят скалы, только до поры до времени им не суждено знать, что в них существуют ворота Вальгринд – Ворота мертвых... Впрочем, зачем им знать об этом? Тех, кого Старик заберет к себе и назовет эйнхериями, беспрепятственно пройдут по мосту Биврёст (люди почему-то называли его «радугой»), и ворота перед ними откроются сами собой. Эти избранные, конечно, счастливее прочих, но даже им никогда не коснуться ветвей ясеня Иггдрасиль, соединяющего миры, из-под корней которого вытекает мрачная и холодная река Гьёлль, унося недостойных стать эйнхериями в мрачный Хель...

Откуда появился Хель, Старик помнить не мог, ведь тот

возник в Начале Времен, а он сам родился позже, во Времена Творения. Хотя какое это имеет значение, если мир уже создан таким, какой он есть, и изменить его может только Последняя Битва?.. Нет, все же лучше думать о начале времен, чем о конце!..

Вначале, как говорила вельва, был Нифльхейм – зияющая тьмой ледяная бездна, в центре которой бурлил кипящий котел Мусспель. Из котла вылетали ядовитые брызги и стекленели, сталкиваясь с холодом Нифльхейма. Из них-то в Начале Времен и возник великан Имир. Чтоб великан не умер с голода, тогда же появилась чудесная корова Аудумла – она лизала холодный камень, и на нем стали прорасти волосы. Потом из камня, поросшего волосами, возникла голова – его голова (Старик помнил, что старым был изначально, только глаз тогда у него было два). Потом Аудумла «вылизала» Тора, Фригг и остальных асов... Дальше Старик все помнил и без вельвы.

Помнил, как они убили Имира и кровь его заполнила зияющую бездну, а из тела великана сделали землю; из костей – горы; из зубов – прибрежные скалы, мозг же подбросили вверх, превратив в тучи. Из черепа сделали небосвод (при этом землю пришлось загнуть по краям, чтоб получились опоры). Ох, и нелегкая была работа!.. Сами они б никогда не справились с ней – пришлось сделать из плоти Имира ётунов, которые, конечно, уступали Имиру, но все равно были огромными и могучими. Они запросто держали небо,

но не могли своими ручищами закрепить его. Тогда пришлось создавать еще и альвов – крошечных, но умелых мастеров, которым до сих пор в ремесле нет равных.

– Ты задумчив, а тебе ведь не свойственно думать, – сказал Тор, подходя к Старику, восседавшему на вершине (как всякий ас, Тор знал, что это не просто вершина, а верховный престол Хлидскьяльв, с которого видны все миры), – ты больше привык носиться над землей с полчищами мертвецов, сея раздоры и битвы. Не пойму, почему ты занимаешь престол, несмотря на то, что меня люди любят гораздо больше.

– Люди?.. – Старик повернул голову, – причем здесь люди? Мне они неинтересны, люди... О них заботятся норны, уже расписавшие судьбу каждому, а меня волнует судьба моих миров! Потому восседаю на престоле я, а не ты!

– Допустим, ты прав... – нехотя согласился Тор, и этого оказалось достаточно, чтоб Старик тут же простил его предыдущую дерзость и глупость.

– Иногда я думаю, может и не стоило убивать Имира? – произнес он, рассуждая вслух.

– Но из чего б тогда мы сделали все это? – удивился Тор, обводя рукой пространство.

– Подобное порождает подобное, то есть смерть порождает смерть. А если действительно так, исход Последней Битвы предрешен не в нашу пользу... хотя вам не понять этого...

– Где уж нам! – обиделся Тор и исчез, а Старик опустил

взгляд, изучая то, что находилось у него под ногами.

А находился там город. Люди, которым никогда в своей земной жизни не дано побывать в нем, называли его – Асгард. Висел он между небом и землей, спрятанный в кроне ясеня Иггдрасиль. Даже если когда-нибудь люди сумеют преодолеть реку Трунд и научатся проходить сквозь горы, то взобраться по ветвям Мирового Дерева им не суждено никогда, и никогда они не поймут, что радуга – не преломленный свет, а мост Биврёст...

Старик видел Асгард как на ладони – в центре располагался просторный тинг, где асы принимали важнейшие решения; к тингу примыкали золотые палаты, в которых они беспечно тешились едой, хмельным питьем и слушали пение скальдов. А, вот, дальше, до самых гор простиралась Вальхалла – самый важный и самый ценный объект Творения.

Старик вспомнил, как когда-то заглядывал туда, с ужасом отмечая, что время идет, а эйнхериев не прибавляется. Но потом чужак по имени Фрейер, принес замечательную мельницу, способную намолоть всего, что пожелает вращающий жернова. Глупец из Гардарики!.. Он зачем-то молот радость!.. Старик вспомнил, как украл мельницу и стал молот богатство, ведь если есть богатство, кто-то обязательно захочет присвоить его. Люди стали сражаться, и появились павшие; среди павших непременно возникали герои – только они, а не умершие во благе, способны стать эйнхериями. А уж дальше все было совсем просто – оставалось

вернуть им жизнь и научить превращаться в огромных свирепых волков, способных рвать зубами любую добычу. Тогда и валькирии перестали скучать, а принялись исполнять над полем брани свои великолепные, безумные танцы. Да, украсть мельницу было воистину мудрым решением.

Старик устремил довольный взгляд к заветному чертогу, в котором заключался весь смысл существования – там эйнхерии вечно сражались друг с другом, готовясь к Последней Битве. Копья вонзались в ставшие бессмертными тела, мечи гулко дробили шлемы и черепа, а кровь из ран поднималась выше колен бойцов и стекала по ветвям ясеня Иггдрасиль. Вот оно, обещанное блаженство – Вальхалла!.. Только по ночам звон оружия сменяется выкриками опьяневших от пива бойцов и богатырским храпом. Тогда они забывали, кто на чьей стороне бился, а поутру вновь хватались за мечи, и брат шел на брата, сын на отца... И это правильно – никто ж не знает, кого встретит среди темных полчищ Хель, ведомых Мировым Змеем и волком Ферниром.

Старик гордился своим войском, и его закрытый повязкой глаз подсказывал, что победа должна остаться за ними!.. Но почему же тогда вёльва, ведавшая будущее, прятала свои пустые глазницы и молчала? Сомнения вновь рвали сознание Старика, как его любимчик – кровожадный волк Фреки, будет рвать плоть равносильного ему, ужасного волка Фернира...»

Резкий звук ворвался в размышления Старика, но это

не было сигналом к Последней Битве. Даша узнала в нем мелодию будильника, которую недавно закачала в телефон, и открыла глаза. Она чувствовала, что не выпалась; голова казалась неподъемно тяжелой, но чуждые впечатления, оставленные сном, все-таки медленно покидали сознание.

Ночью Даша понимала все, что говорил неизвестный рассказчик – даже множество непонятных слов и имен казались ей знакомыми, но, по мере того, как ухо улавливало привычные звуки, доносившиеся с кухни, все это отодвигались на второй план, потом на третий, и через несколько минут она уже помнила только, что видела какой-то страшный сон.

...Кошмары матери, блин, похоже перебрались ко мне. Попробуй, засни нормально после таких воплей... – Даша потянулась и подняв голову, увидела на столе раскрытые со вчерашнего дня учебники, – еще этот козел... Даже никакого настроения, а ведь сегодня Новый год...

– Мам! – Даша лениво повернулась на бок.

Галина Васильевна в это время допивала чай, слушая диктора, который предрекала с экрана, что к ночи ожидается долгожданное похолодание, вызванное ветром из Скандинавии.

– Мам!..

Дослушав прогноз, Галина Васильевна заглянула в комнату.

– Все, я побежала, а то опаздываю. Если будешь заниматься, найдешь подарок, – она хитро улыбнулась, – и одевайся

теплее – обещали мороз.

– Ладно, – Даша вздохнула. Потом услышала, как хлопнула дверь, и нехотя встала. Первым делом, подойдя к столу, она отыскивала зарытый среди учебников и конспектов MP-3 – точно такой, как ей хотелось.

*

Улица встретила Галину Васильевну настоящей весной – на сирени, которую посадила неугомная соседка с первого этажа, даже набухли большие зеленые почки. ... *Что творится в мире?..* – она с удовольствием подставила лицо теплему ветерку, – *и где похолодание?.. А, может, такая зима и лучше – Дашке дубленку покупать не надо...*

Глядя на незнакомых парней, весело обсуждавших предстоящую новогоднюю ночь, она подумала, что, по большому счету, никуда не опаздывает, ведь работать в такой день никто не будет – Владимир Иванович, как всегда, пойдет с поздравлениями, бухгалтерия погрязнет в салатах, а менеджеры побегут за спиртным; так бывало, и Восьмого марта, и Девятого мая. ... *Хорошо хоть Первое мая и Седьмое ноября отменили,* – подумала Галина Васильевна, – *а то вечно не знаешь, к кому прибиться...*

Корпоративы являлись для нее вечной проблемой – не идти было не красиво, а придя, она чувствовала, что никому не нужна, так как не принадлежала ни к одному из «кла-

нов». Ее, то ли стеснялись, то ли побаивались, считая особой, слишком приближенной к шефу. Впрочем, Галина Васильевна не сильно стремилась изменить ситуацию.

Она вышла остановкой раньше и пошла пешком, наслаждаясь внезапным весенним чудом. Проходя мимо гастронома, остановилась. ...*Хотела ведь Дашке деньги оставить!..* – вспомнила она, – *хотя кому нужны сосиски в новогоднюю ночь?.. Для винегрета у меня все есть... Оливье что ли еще сделать? Тогда надо горошек купить, колбаски... и торт неплохо бы, если их не разобрали – вчера-то что делалось...*

Неожиданно Галина Васильевна почувствовала на себе взгляд. Это было странное и очень неприятное ощущение, будто кто-то касается тебя невидимой рукой. Резко повернув голову, она увидела нищенку, сегодня выбравшуюся на улицу. Губы ее шевелились, и Галина Васильевна почему-то решила, что та обращается именно к ней. Жуткое любопытство, которого она в себе раньше не замечала, заставило Галину Васильевну подойти, с интересом разглядывая женщину. Обычно она стояла на коленях, низко склонив голову, как черная бородавка на гладком лице улицы, а сейчас выпрямилась в рост, и оказалось, что она не такая уж старая – скорее, не ко времени постаревшая, и если снять лохмотья, да нанести макияж...

– Дай Бог подавать, и не приведи Господи побираться, – прошептала нищенка.

Встретившись с ней взглядом, Галина Васильевна покорно достала кошелек и высыпала всю мелочь в протянутую ладонь. Нищенка опустила глаза, оценивая добычу, и этого мгновения Галине Васильевне хватило, чтоб прийти в себя.

...Все они гипнотизеры!.. – подумала она испуганно, – *так вот отдают, и квартиры, и золото!..* – повернулась и почти бегом устремилась к спасительным дверям офиса.

*

Даша смотрела в бесстрастное лицо Колобка, нехотя листавшего аккуратно прошитые листы реферата, и пыталась определить, нравится ли ему то, что вчера скачал ей Павлик или нет. *...Миленький, что тебе стоит написать – «зачет»?.. Ничего ведь не стоит...* Колобок, нахмутив брови, задержался на одной из страниц. *...Козел!.. Что ты там изучаешь?..* – испугалась Даша, – *все там правильно!..* – и вдруг нашла самый отчаянный аргумент, – *Сюр, блин! Ну, сделай же что-нибудь!..*

– Да, Ситникова, – Колобок трагически вздохнул, откладывая реферат, – Интернетом ты пользоваться умеешь.

– Виктор Михайлович!.. – вспыхнула Даша.

– Да, я – Виктор Михайлович, – Колобок усмехнулся, – и я наизусть знаю всю лабуду, которую там вывешивают. Так что мы будем делать?

Даша опустила голову, уткнувшись взглядом в свои круг-

лые коленки.

– Смотри, какая некрасивая история получается, – продолжал Колобок, – я сейчас заворачиваю реферат. Автоматически ты не получаешь зачет и так же автоматически тебя не допускают до сессии...

– Виктор Михайлович!.. Не надо, пожалуйста!.. – взмолилась Даша, чуть не плача.

В этот момент открылась дверь и вошла Лариса, работавшая на кафедре секретарем. Колобок замолчал, пристально наблюдая за ней, и когда женщина уселась за стол, вновь повернулся к замершей от страха Даше. Чем Ларисино появление так изменило его настроение, Даша не поняла, но Колобок неожиданно улыбнулся.

– Ладно, я ж не зверь. Не хочется портить тебе праздник, – он придвинул Дашину зачетку, но при этом почему-то искаса поглядывал на Ларису, – ставлю тебе зачет, однако не забывай, третьего января встретимся на экзамене, и разговор будет совсем другой – я тебе обещаю.

– Виктор Михайлович! – Даша радостно вскинула голову, – я все выучу! Честное слово!..

– Учи-учи, – Колобок как-то двусмысленно усмехнулся, и расписавшись, торжественно протянул зачетку, – с Новым годом.

– Спасибо, Виктор Михайлович, – Даша встала. Все переживания схлынули мгновенно, – и вам хорошо отпраздновать, чтоб под елкой вас ждал подарок...

– Иди, Ситникова, не доставай меня, – Колобок устало улыбнулся, – хорошая ты девочка... красивая... только б еще работала в семестре...

– Я буду!.. Я все праздники учить буду! – сейчас Даша готова была обещать все, что угодно, ведь зачет-то уже стоял!

Пулей выскочив из аудитории, она взглянула на часы.

...Блин, как время летит!.. Даше стало ужасно обидно, что она еще здесь – в сером коридоре, окруженная одинаковыми казенными дверями, а девчонки уже целый час пребывают в радостной предпраздничной суете, которая порой лучше самого праздника, – *праздник что – раз и прошел. А еще если пройдет не так, как хочется!.. Тьфу-тьфу-тьфу... Типун тебе!..*

Устроившись в маршрутке рядом с водителем, она вернулась к прерванной мысли. *...А как я хочу, чтоб он прошел?.. Ну, во-первых, весело, а не как «день студента», когда пацаны нажрались и начали «пальцы гнуть»... Один Кирилл нормальный был... И что он нашел в этой Луниной? Корова, блин... – Даша мысленно представила себя на месте Наташи Луниной, и картинка ей понравилась. Она азартно прикусила губу, но тут же одумалась, — блин, о чём я? Там же будет Ромка! Павлик же обещал, что притащит его!.. Ромочка, прости, рядом с тобой Кирилл, полное фуффло!.. Ты ж лучше всех!.. Я так думаю...*

– Остановите, пожалуйста, – попросила Даша, раньше времени приоткрывая дверь. Быстро миновала пустой двор,

поднялась по лестнице и позвонила особым, известным только им с Викой, способом.

– Открыто! – донеслось из-за двери.

Даша вошла и замерла на пороге, жадно вдыхая долгожданный аромат праздника. После улицы он казался особенно явственным – эта смесь хвои с мандаринами, копченой колбасой, солеными огурцами и еще миллионом едва уловимых, непередаваемых составляющих, в целом и образовывала то, что называется «Новый год».

– Заходи, чего ты? – из кухни показалась голова хозяйки, – зачет-то сдала?

– Сдала, – Даша счастливо улыбнулась, – девки, как классно!

– Что классно? – не поняла Вика.

– А все классно!

На кухне ароматы обрели материальную сущность – Аня, в творческом экстазе высунув язык, старательно рисовала майонезом елку на «селедкиной шубе»; Настя крошила огурец, стараясь не повредить длинные синие ногти, а из большой кастрюли валил пар, оседая на холодном окне, отчего кухня казалась уютнее, словно отделившись от мира легкой занавеской.

– Ты вчера «Дом-2» смотрела? – спросила Аня.

– Я к зачету готовилась, – Даша уселась на свободный стул и чтоб чем-то занять себя, взяла Настины сигареты.

– Клуша ты, – заключила Вика, – нашла из-за чего парить-

ся!.. Колобок тебе и так всегда поставит. Ты чего, не видишь, как он пялится на тебя? Прямо, трахает глазами!

– Да ладно тебе, – Даша покраснела, представив рядом с собой обнаженного Виктора Михайловича. Почему-то он представлялся ей потным, с волосатой грудью и дряблой кожей. Худший кошмар трудно было вообразить!..

...Ничего он меня не трахает!.. Это все Сюр сделал, – подумала Даша с нежностью, – а я даже не поблагодарила его... Сюр, прости, пожалуйста...

– Даш, горошек открой, – Настя отложила нож, чтоб сделать глоток джин-тоника.

...Блин, как же все здорово! — подумала Даша, – хоть бы Новый год никогда не кончался! Так и открывала б горошек, и открывала... а потом надену бордовое платье... Кто б знал, сколько нервов мне стоило целых три месяца шкерить его от всех!.. Сейчас оно, небось, штук шесть стоит, а я отхватила за две. Для Луниной, может, оно и без разницы, а для меня – бабки. Иначе б пришлось опять в голубом идти, как побирюшка какая...

– Воду из горошка сливать? – Даша метко бросила крышку в переполненное ведро.

– Дашка, ну, ты даешь! – Аня засмеялась, – а куда ж ее девать? Выпей, если хочешь.

– Ну, не умею я готовить, и что? Вот, не научила мама!..

– Зато она у нас главная «миска», – Вика, сидевшая на корточках перед открытым шкафом, хитро улыбнулась.

– Девки, – вмешалась Аня, – я считаю, каждый берет тем, что у него есть. Мне, например, со своим свинячьим пяточком и тремя волосками на башке надо уметь готовить, а Дашке зачем, если бог дал ей фактуру?..

– ... а Луниной папа дал мешок с баблом, – вставила Настя.

– С такой жопой и бабло не поможет, – парировала Вика, наконец, доставая огромное блюдо.

– Чего вы до нее домахались? – закончившая живописное творение Аня присела рядом с Дашей и закурила, – не такая уж там и жопа – это мы все, как глиста в скафандре... Вик, а чего ты молчишь о том, что у нас проблема с мужиками нарисовалась?

– Кто слинял? – Настя воткнула ложку в готовый салат и воинственно оперлась о стол.

– Ромка звонил и сказал, что уезжает, – Вика допила джин-тоник и с хрустом смяла пустую банку, – каков козел, а?

Даша обвела растерянным взглядом подруг, оживавших реакции, но не нашлась, что ответить. Она чувствовала, как все рушится, и никакой Новый год ей уже не нужен, потому что он ничем не будет отличаться от старого.

– А сама виновата, – безжалостно заключила Вика, – ты сколько уже трындишь, что неровно к нему дышишь? И что? Думаешь, он сам за тобой побежит?

Даша почувствовала, что готова разреветься от обиды... нет, не на девчонок, а на этого ...как Вика правильно сказала,

«козла». И, на фиг, мне новое платье? Для Ваньки с Владиком, которые ниже меня на полголовы?.. А кто еще?.. Павлик будет с Викой, Кирилл с Луниной... Я ж так все классно распланировала!.. Чемпион хренов... – Даша шмыгнула носом, и предвидя продолжение, Вика заботливо взяла ее руку, сменив обличительный гнев на милость.

– Не расстраивайся, Даш. Ты ж знаешь, для него круче мячика нет ничего.

– Знаю, – Даша потеряла сухие глаза, – а мне-то что с того? Сидеть всю ночь и пялиться, как вы зажимаетесь, да салаты жрать?.. Вот радость!

– Не лучший вариант, – согласилась Аня.

– Если исследовать контингент... – Настя задумалась, – под твой рост канает только Кирилл.

– О! – Вика встрепенулась, – а слабо его у Луниной отбить?

– Спонсора не трогайте! – возмутилась Аня, – на чьи бабки гуляем?

– Ну, жратву она обратно не заберет, – рассудила практичная Настя, – а сама пусть валит, если хочет. Вот и будет комплект, – она заговорщически подмигнула, – Даш, ты пройдишь перед ним, как вас там учат – ногу от бедра... Давай, а?.. – она присела на корточки, заискивающе заглядывая Даше в глаза, – а то, блин, нашлась – бабок отслюнила и явится вечером на все готовое, а мы тут, как золушки, упираемся! Прикинь, где ты мужика сейчас возьмешь – все давно

по компашкам рассосались.

Даша подумала, что «мужика» действительно взять негде. ...*А зачем тогда приходить?.. Вот, возьму и не пойду никуда! Всем назло, блин!..*

– Даш, – Настя преданно гладила ее руку, – давай поприкальваемся, а? Тебе что, в лом?..

– Все равно ни фига не выйдет, – Аня затушила сигарету, – Кира – карьерист. Он давно присосался к Лунину-старшему – тот, вроде, в свой банк обещает его пристроить. И как он Наташку кинет? Он за ней как щенок ходит – что ему та «нога от бедра»?..

– Ну что, Даш? – Вика картинно опустилась на колени, и Настя, не долго думая, последовала ее примеру, – «мисска» ты или не «мисска»?

Глядя на их подобострастные позы, Даша ощутила себя не какой-то там «мисс факультет», а настоящей королевой. И что, королева должна киснуть в одиночестве?.. Слезы сами собой вернулись в места постоянного хранения, и она улыбнулась.

– Дашка, я тебя люблю! – Настя тут же вскочила и чмокнула ее в щеку, оставив еле заметный след помады, – я с тобой! Мы Луниной надерем задницу!..

– Так, девки, – поскольку вопрос был решен, Вика тоже поднялась с колен и посмотрела на часы, – не расслабляться, а то уже четыре.

– А что осталось-то? – Аня, не посмеявшая и дальше вы-

ступать против большинства, взяла список, – мясо я сейчас подготовлю – пусть маринуется, а картошку, Вик, тебе чистить.

– Павлик придет, почистит, – беззаботно отмахнулась Вика.

Даша с радостью отметила, что ее вклад в общее дело ограничился банкой горошка, и мысли понеслись дальше – туда, где изобилие, отмеченное в списке красными галочками, окажется на столе, а все из золушек превратятся в принцесс.

...Ну, Ромочка, ты еще пожалеешь!.. Кирилл, конечно, говно, но на безрыбье и сама раком встанешь... Блин, интересно, поведется он?.. А куда он денется?.. Мысли, как и положено в таких случаях, теряли логические связи, наполняя все вокруг яркими феерическими брызгами, но пока праздник не наступил, брызги эти имели свойство рассеиваться в сумраке непредсказуемости. А непредсказуемость была полная, ведь планировалось одно, а в итоге получалось совсем другое.

– Девки... – Даша картинно вытаращила глаза, – а кто-нибудь подумал, что будем делать всю ночь? Надо ж какую-то программу – помните, как в прошлом году прикольно было? Все номера готовили, в костюмах...

– Спыхватилась, – засмеялась Аня, попутно превращая противень в розово-красное мясное панно, – сейчас придем и сядем шить костюмы.

– Неблагодарное это дело, – пояснила Вика, – эффект на полчаса, а долбишься с ними!..

– Есть варианты. Вот, например, – Настя развернула валявшуюся на подоконнике газету, – «Как разнообразить встречу Нового года», – она бежала глазами по строчкам, озвучивая наиболее важное, – так, доброволец... выводят из комнаты... так... на стул кладут твердый овощ! Так и написано, «твердый овощ»! «Терпиле» завязывают глаза... О, класс! Вникайте – он должен сесть и пятой точкой определить, что, именно, ему подложили! – Настя подняла взгляд от газеты, – а если Лунина сядет? Это ж сразу овощное пюре!..

– Слушай, где ты эту хрень откопала? – возмутилась Вика.

– В газете. Не, слушайте дальше! Для более тесных компаний... У нас же тесная компания?.. Значит так, молодые люди садятся на стулья и кладут на колени листы бумаги. На них садятся девушки, и!.. Внимание, цитата: «...Двигая ягодицами, пытаются порвать бумагу. У кого на бумаге окажется больше разрывов, тот и победил». Как оно, слабо?..

Пока все молча рисовали картинку, Даша успела сделать свой вывод:

– Я думаю, это фигня – бумага скользить будет, – но слова ее утонули в дружном хохоте, а Настя даже захлопала в ладоши.

– Дашка, ты, в натуре, блондинка!.. Это же для *тесных компаний*!.. Значит, пацан должен быть без штанов, а девка –

без юбки! Чтоб бумага прилипала! Въехала?

– Тогда получится, – Даша кивнула, наконец сообразив, как все должно выглядеть.

– Предлагаю! – объявила Настя, – Вика с Павликом против Дашки с Кирой.

– Надо еще, чтоб Кира согласился, – заметила Аня, но у Насти на все имелся ответ.

– А мы его напоим. Пить он не умеет, я знаю – мы с ним как-то целых два месяца кружились. Трахается он нормально, но не питок

...Вика-то с Павликом жениться собираются, а я чего?.. Я ж не Настька, чтоб с первым встречным – я не смогу так... Даша представила, как то, что будет находиться под бумагой, «проснется», – *и что с ним делать?..*

– Не, девки, я не согласна, – она покачала головой.

– Даш... – Настя скорчила жалобную рожицу, – ты чего, стесняешься? Будь проще, и мужики к тебе потянутся. Могу пример показать – только я ж не только юбку сниму!..

То, что Настя способна снять не только юбку, никто не сомневался. Еще на первом курсе профессор Фролов лично вывел ее с вузовской дискотеки за аморальное поведение и даже ставил вопрос об отчислении, но обошлось выговором, а престарелому профессору объяснили, что сейчас не советские времена, и не его это дело – шляться по темным аудиториям и высматривать, чем там занимаются совершеннолетние люди. Правда, экзамен Фролову Настя так и не сда-

ла, и поэтому второй год жила с «хвостом» – зато ее популярность сразу выросла до удивительных высот.

– Ну, Даш... – Настя очень эротично облизнула палец.

– Вы чего, в натуре, хотите, чтоб?.. – Даша перевела растерянный взгляд на Вику.

– Конечно, – Вика уверенно кивнула, – я готова; Павлик, думаю, тоже не откажется, а Лунину к креслу привяжем, чтоб не побила тебя, и пусть любитесь, – она пыталась говорить серьезно, но улыбка предательски растягивала губы, и вслед за ней захохотали остальные.

– Какие ж вы есть! – обиделась Даша, – все прикалываетесь?

– Ладно, девки, – Аня первой подавила приступ веселья, – мясо готово, так что пошли по хатам. Собираемся в десять?

– Давайте, – согласилась Вика, – в девять Павлик придет...

– ...и до десяти у вас будет целый час, – Настя подмигнула хозяйке и направилась к выходу.

*

– Ну что, господа менеджеры, – произнес Владимир Иванович, поднимая бокал и оглядывая, притихший с его появлением, коллектив, – поздравляю с Новым годом. В уходящем году все поработали хорошо, и это нашло отражение в конвертах, которые вы получили. Думаю, и в следующем

все сложится не менее удачно, – одобрительный гул вызвал на его лице улыбку, – а я и не сомневался в ваших возможностях. Еще желаю всем семейного счастья, потому что без него не будет и хорошей работы. Семья – это лучший стимул для зарабатывания денег, так ведь?.. А теперь веселитесь, – он залпом выпил шампанское и направился к двери.

– Владимир Иванович, посидите с нами. Ну, пожалуйста! – воскликнула молоденькая Юля, еще не усвоившая, что даже за праздничным столом необходимо соблюдать субординацию.

– Нет, друзья мои, – шеф остановился, – меня ждет бухгалтерия, служба безопасности, а потом у меня дома и свои гости. Кстати, вы тоже особо не засиживайтесь, а то будете стол накрывать под бой курантов, – улыбнувшись, он вышел.

Галина Васильевна, на этот раз примкнувшая к отделу маркетинга, подумала, что шеф у них все-таки замечательный. И даже не потому, что он, вот так, по-человечески относится к подчиненным, и не потому, что выдал ей премию, в два раза превышавшую зарплату. ...А, вот, просто! – Галина Васильевна не могла определить все одним словом – *если б еще у него не было жены...* – шальная мысль, спровоцированная двумя рюмками, уже выпитыми за год уходящий, пронеслась и исчезла в розовом тумане. Галина Васильевна обвела взглядом застолье, вновь ставшее шумным и неуправляемым, – *хорошо, что я зашла сюда, а то в прошлый раз «гуляла» с бухгалтерией, так одни сплетни...* мо-

лодец Коля, что затащил меня...

В обычной жизни они называли друг друга «Галина Васильевна» и «Николай Сергеевич», но когда компьютеры трусливо сбились в угол, а документы попрятались в ящики столов, уступив место тарелкам и рюмкам, подобное обращение выглядело неуместным. Галина Васильевна чувствовала давно забытую легкость, и взгляд ее умиротворенно блуждал по беззаботным, смеющимся лицам. Она знала их другими – деловыми, порой даже испуганными, ведь очень часто они проходили перед ней с одной-единственной целью – «на ковер».

...Как, оказывается, люди могут меняться, а мы ничего не знаем и воспринимаем их совершенно неправильно... – ее взгляд остановился на Николае Сергеевиче, сидевшем напротив, – господи, как же педантично он всегда перечитывает каждый документ!.. А, оказывается, он просто внимательный человек, причем, во всем, иначе б я давно уже сидела дома и пялилась в телевизор... Сколько ж я его знаю?.. Лет десять, наверное, и никогда не замечала... хотя нет, замечала – тогда он был даже моложе и интереснее... но женат, – Галина Васильевна вздохнула, – а женатых с меня уже хватит...

– Галочка, – Николай Сергеевич поднял рюмку, – что вы такая грустная? Праздник ведь...

Галина Васильевна улыбнулась. Не могла же она объяснить, что значат для нее праздники? Да и как бы вос-

принял он такую информацию? ...*Конечно, как намек, ведь все мужики похожи – одинокая баба наверняка чего-то ищет...* – Галина Васильевна мотнула головой, разгоняя глупости, упорно стремившиеся заполнить возникшую в мыслях пустоту.

– Все нормально, – она тоже подняла рюмку, но сделала это, скорее, из солидарности, ведь ей еще предстояло добираться домой. ...*И уже, наверное, скоро. Надо бы взглянуть на часы, но как-то не хочется...*

В это время включили магнитофон, и все сразу пришло в движение: тарелки, сталкиваясь и позвякивая, сползли на один стол; стулья в акробатическом этюде запрыгнули друг на друга, образовав в углу шаткую пирамиду – а все для того, чтоб расширить пространство, в котором тут же образовался людской круг. Привыкшие сидеть за компьютерами клерки принялись совершать странные телодвижения, то ли чудом сохранившиеся в памяти, то ли подсмотренные в телевизоре. Хотя имелись, конечно, и профессионалы, вроде Юли, за которыми было просто приятно наблюдать, и Галина Васильевна повернулась в полуоборота, разглядывая танцующих.

...Хорошо, что потом будет десять выходных, — неожиданно подумала она, – это специально сделали, чтоб люди успели забыть, какими были сегодня. Как можно всерьез воспринимать Димкин договор... (в смысле, Дмитрия Андреевича) на миллион триста восемьдесят тысяч, если сейчас

он корчит рожи и едва не падает на заплетающихся ногах?.. Или та же Юля?.. Хотя ей до таких договоров еще расти и расти...

*

Даша поставила будильник на восемь и забралась под плед; сразу повернулась на бок, стараясь не анализировать изменения, произошедшие в сценарии новогодней ночи, но возбужденное сознание не желало отключаться.

...А как я все здорово придумала!.. Я ж ему тоже, наверное, нравлюсь... я, вообще, нравлюсь всем пацанам!.. Только они трусы – думают, что если я такая классная, то не для них... А я, и правда, не для всех!.. Вот с Ромкой мы смотрелись бы клево... А тут, на тебе – Кира!.. – Даша представила, как Кирилл целует ее, и не ощутила радостных эмоций, — но это ж не навсегда, — успокоила она себя, — это ж так, для прикола. А утром верну его Луниной, упакованного голубой ленточкой... Нет, но это же Новый год – здесь все можно, и никто не должен ничего воспринимать всерьез!.. Ромка сам виноват... А этот карьерист... — вспомнила она, – вот, Кир, и посмотрим, что круче, я или карьера...

Заранее чувствуя себя победительницей, Даша улыбнулась, и на этой жизнеутверждающей ноте удовлетворенное сознание успокоилось. Долгожданный сон перемешал в одном большом стакане, и Ромку, и Кирилла, добавив для пря-

ности чуть-чуть Тома Круза – такой замечательный получился коктейль!..

*

– Галь... – почувствовав прикосновение, Галина Васильевна вздрогнула. Улыбающийся Николай Сергеевич перегнулся через стол, – пойдёмте, потанцуем, – предвидя возможные возражения, он приложил палец к губам, – мы тихонечко, в уголку. Молодежь пусть бесится.

Галина Васильевна уже забыла, когда танцевала – даже не то, чтоб танцевала, а когда просто мужская рука обнимала ее. ...*А стоит ли вспоминать?* – подумала она, – *если все сломать одним глупым желанием, то как же трудно будет вернуться в свой устоявшийся мир!*.. Но Николай Сергеевич уже обошел стол и стоял перед ней, склонив голову и галантно протягивая руку. На них смотрели, и отказаться, значило выставить его посмешищем. Галина Васильевна встала. Они, действительно, отошли к самой елке и стали медленно вращаться, совсем неграциозно переступая ногами. Галина Васильевна не знала, хорошо ли ей – скорее, как-то непривычно...

– Галочка, а вы где празднуете? – Николай Сергеевич почти коснулся губами ее уха.

– Дома, – Галина Васильевна пожала плечами.

– А с кем, если не секрет?

– Одна. Дочь к друзьям уходит.

– Вы с ума сошли! – Николай Сергеевич даже отпрянул, и тут же стиснул ее плечи гораздо сильнее, чем требовал таец, – а мы в ресторан собираемся. Столики уже заказали. Хотите с нами? Как же одной в Новый год?

Галина Васильевна решила, что, поскольку с женой Николаем Сергеевич расстался уже давно, в принципе, в его предложении нет ничего предосудительного, но, вот, нужно ли ей это? Ведь должно будет последовать какое-то продолжение, и именно оно ее очень смущало. ...*С другой стороны, я сама всегда твержу, что еще не старуха, так в чем дело? По молодости, когда, казалось бы, всего надо бояться, я не боялась... и получила Даишку. Теперь – я хозяйка своей судьбы, и вдруг... или просто все происходит слишком стремительно?.. Так на то и Новый год... Хотя почему стремительно? Это ж копилось целых десять лет... за десять лет я, наверное, отвыкла, что такое бывает...*

– Я дочери ничего не сказала, – она все-таки нашла способ переложить ответственность с себя на форс-мажорные обстоятельства, – она всегда забегает, поздравить. С ума ведь сойдет ребенок – подумает, мать пропала, – Галина Васильевна засмеялась, ведь, каким бы ни было принятое решение, сначала оно всегда приносит облегчение – хуже всего стоять на грани выбора, и бояться ошибиться.

– Мы позвоним ей, – предложил Николай Сергеевич, – если хочет, пусть тоже присоединяется. Там обещают про-

грамму с дедом Морозом, и все такое.

Галина Васильевна поняла, что даже если соврет, будет у Дашки нет мобильного телефона, Николай Сергеевич изобретет какой-нибудь выход – это ж нормально, когда начальник отдела маркетинга самый хитрый и изворотливый.

Очень кстати музыка закончилась, и Галина Васильевна украдкой взглянула на часы.

...Девять! Время-то летит!.. И ведь все равно домой надо возвращаться – не сейчас, так утром; ни утром, так завтра...

Началась новая мелодия, и Галина Васильевна, не успевшая избавиться от опустившихся на талию рук, вынуждена была продолжать топтаться на месте. Теперь она смотрела в пол, пытаясь сосчитать, каких конфетти там валялось больше, красных или желтых. *...И зачем тогда начинать? Кто знает, что он за человек? Это сейчас он добрый и хороший, но ведь почему-то жена ушла от него... и, вообще, эти служебные романы, когда все глядят тебе в спину и шушукуются... ох, а что начнется в бухгалтерии!.. И как они замечают, кто на кого как смотрит? Когда они там работают?..*

– Галь, так что? Звоним? – Николай Сергеевич, не имея возможности проникнуть в чужие мысли, все еще находился в той точке, которую сама Галина Васильевна миновала уже давно.

– Не будем мы никуда звонить, – она вздохнула, – пора

мне, а то совсем поздно. Я не привыкла возвращаться в такое время.

– Жаль, – секунду подумав, Николай Сергеевич пустил в ход «тяжелую артиллерию», – Галь, вы мне нравитесь, только я все никак не решался сказать. Вы такая строгая, когда работаете...

– Не надо, Николай Сергеевич, – «снаряд» пролетел мимо, потому что, не поднимая лица, Галина Васильевна покачала головой, – сегодня мы все друг другу нравимся.

– Я могу позвонить завтра и доказать, что все это, – он обвел взглядом комнату, – здесь совершенно ни при чем.

– Завтра будет завтра...

– Тогда до завтра, да? Я ж запомню!..

...Зачем я так сказала? Наверное, в надежде на лучшее, ведь каждый всегда оставляет путь к отступлению. Такое уж человек слабое существо – он не любит что-то терять...

– Я пойду, – тихо произнесла Галина Васильевна, глядя на веселившийся народ, давно потерявший к ним интерес. Да и что интересного, если между ними ничего не происходит?..

Из всех распахнутых дверей гремела музыка, которая смешав мелодии, превращалась в настоящую какофонию, и только в приемной, кроме маленькой искусственной елочки, ничто не напоминало о празднике. Галина Васильевна внезапно подумала, что ей жаль уходить, но она уже давно

вывела для себя формулу – «Никогда не поддавайся иллюзиям», поэтому оставалось одеться и проскользнуть к выходу так, чтоб никому ничего не объяснять. ...*Странно – вот, никому я тут не нужна, а всем интересно...*

Задуманное практически удалось – по дороге ей попались лишь двое ребят из технического отдела, приходивших в себя у распахнутого окна на лестничной площадке. Им, естественно, не было до нее дела, и Галина Васильевна спустилась вниз, кивнула охраннику, даже среди общего веселья бдительно несшего службу в своей стеклянной будке, и оказалась на свободе.

...Свобода... какая это все-таки странная штука, – она оглядела непривычно пустую улицу, – обычно в такое время люди бродят по магазинам, садятся в транспорт, назначают свидания, а сейчас, ни людей, ни транспорта... Полдесятого... Это ж по какому времени они начали отмечать?.. А я только собираюсь готовить салат... – подобная мысль не радовала, и она вернулась к прежней, успев поймать ее ускользающий хвост, – свобода... Но «хвост» оторвался, вновь вернув Галину Васильевну к реалиям улицы. ...Это не свобода, а самое обыкновенное одиночество...

Внезапно начавшаяся перестрелка петард наполнила город обстановкой уличного боя. ...*А так оно и есть – вечный бой со скукой, с тем пресловутым одиночеством. А когда он затихает, начинается бой с работой, с домашними делами... Меня, наверное, взяли в плен, посадили в камеру,*

из которой нельзя сбежать, а другие, вон, бьются и побеждают...

Галина Васильевна подняла голову, разглядывая десятки уютно светившихся окон; представила столы, покрытые белыми скатертями, много еды – столько, чтоб хватило и на завтрашний день, и, главное, много людей – веселых, суетливых, связанных чем-то общим. ...*Может, стоило поехать с Николаем?.. Хотя там бы тоже ничего не изменилось, ведь одиночество не исчезает от физического присутствия, иначе б все только и делали, что катались в переполненных автобусах...*

Где-то рядом прогремел взрыв, заставивший Галину Васильевну вздрогнуть. Над ее головой раскрылся огромный красный купол, и огоньки кровавыми слезинками побежали по черным щекам ночи. Ей вдруг тоже захотелось плакать.

...Ну, почему у меня не бывает праздников?! Это ложь, что я их не люблю – просто мне удобно так думать, чтоб не чувствовать себя уцербной. Вот, в чем правда!.. Если б сейчас, по мановению волшебной палочки, возник Николай Сергеевич и снова пригласил ее... даже не в ресторан, а все равно куда!.. ...Я б, ей-богу, пошла, и неважно, что случится завтра!.. Но это была лишь шутка судьбы – никто меня никуда не позовет... Было б мне лет двадцать, другое дело... значит, все-таки я старуха, и нечего тут хорохориться...

Галина Васильевна дошла до остановки. На проезжей части два парня с огромной сумкой ловили машину, гром-

ко матеря какого-то Артема, который не заехал за ними; взглянула в глубину улицы, где возникли фары, не похожие на маршрутку...

– ...С праздником тебя, добрая женщина.

Обернувшись, Галина Васильевна увидела нищенку.

...Господи, почему она преследует меня?!.. – испугалась

Галина Васильевна, но тут же поняла, что никто ее не преследует – это она сама все время подходила к ней и давала деньги.

Лица нищенки она не видела, потому что та стояла перед яркой витриной зловещим черным силуэтом. Ее рабочий день закончился и в лексиконе, кроме слов «подайте, ради Христа», появились другие, которыми она спешила воспользоваться, дабы не забыть окончательно.

– Спешешь на праздник? – спросила нищенка.

– Нет...

Гулко хлопнула дверца – это уехали парни с сумкой.

– Но ведь скоро праздник. Который сейчас час?

– Десять, – Галина Васильевна посмотрела на часы.

– Совсем скоро, – нищенка вздохнула.

Галина Васильевна по-прежнему не видела глаз, но чувствовала, как взгляд ласково облизывает лицо, словно шершавый собачий язык, и оно от этого становится влажным. Чтоб убедиться в очередной иллюзии, она провела рукой по щеке и поняла, что все правда – неизвестно откуда взявшиеся слезинки катились к уголкам рта. Галина Васильевна

стыдливо смахнула их и совсем по-детски шмыгнула носом.

– Не надо роптать на судьбу, – произнесла нищенка, по-своему оценив ее состояние, – надо прожить то, что дано. Значит, Бог решил, что тебе не хватает именно этого знания.

Галина Васильевна приоткрыла рот, но не нашлась, что ответить, потому что никогда не думала о Боге. Тем не менее, было в словах нищенки что-то успокаивающее, смиряющее досаду и разочарование. Это, как круг, за который можно схватиться и ждать, когда тебя вытащат незримые спасатели.

Нищенка вышла из света – оказывается, она улыбалась, и Галина Васильевна уже не могла оторвать взгляд от этой ироничной улыбки. Внутренне она понимала, что надо немедленно прекратить разговор, иначе, в конце концов, можно остаться в голых стенах, как не раз показывали в криминальной хронике, но не бежать же по улице, крича «помогите!»?

– Идите своей дорогой, – сумела выдать она.

– Конечно, – нищенка кивнула, – меня ждет мой теплый подвал. Есть вино и есть, что поставить на стол. Нет только елки и телевизора.

– Елки у меня тоже нет, – неожиданно для самой себя поделилась Галина Васильевна, – а телевизор... – и совершенно безотчетно предложила, – хотите, пойдем ко мне?..

Откуда взялись эти слова? Как они, вообще, посмели прийти в голову, а, тем более, сорваться с языка?.. Галина

Васильевна обмерла, поражаясь своей глупой наивности.

– Я не против.

...Еще б ты была против!.. Господи, что я делаю? Надо сказать ей, что пошутила или лучше, ничего не говорить, а просто уйти! Не станет же она гнаться за мной?..

– Только зайдем ко мне, – предложила нищенка, – я возьму припасы, что собрала к празднику.

Галина Васильевна живо представила мусорный бак, откуда могли появиться «припасы».

– Боже упаси! У меня все есть, – воскликнула она, но нищенка будто и не слышала.

– Здесь совсем рядом.

И вопреки здравому смыслу, вопреки желанию, вопреки всему, что накопил жизненный опыт за сорок два года, Галина Васильевна пошла. Она понимала, что сходит с ума, но ноги сами несли ее. *...Все, я пропала! Золото в шкатулке, прямо у зеркала – на самом видном месте!.. Хотя, там золота-то!.. А в сумке премия – в сумку она полезет первым делом...*

Когда они пересекали двор, нищенка шла чуть впереди.

...Можно попытаться отстать, и когда чары перестанут действовать, бежать... Замедлив шаги, Галина Васильевна оглянулась и увидела огромную черную собаку, задумчиво нюхавшую следы на дорожке. Это означало, что путь к отступлению отрезан – собак она боялась больше всего на свете (страх этот остался с детства, когда ее укусила

соседская дворняжка и пришлось делать жуткое количество укусов).

Собака подняла голову, оценивая потенциальный ужин, и Галина Васильевна поспешно догнала нищенку, уже подходившую к дому. Дверь в подъезд была распахнута, и слышались приглушенные голоса, а на балконе третьего этажа виднелись курившие люди. Можно было броситься к ним, но это если б на нее, например, напали хулиганы, а просить защиты от немощной старухи?.. Откуда им знать, что она, то ли гипнотизерша, то ли колдунья?..

Нищенка сняла с двери соседствовавшей с подъездной, висячий замок.

– Хорошо я придумала? – она спрятала его в карман, – никто и не догадывается, что там кто-то живет – всегда, вроде, закрыто. А я ж не дебоширю, никого в гости не вожу... Пстой тут, – она исчезла, для конспирации прикрыв за собой дверь.

...Вот он, шанс!.. Галина Васильевна сделала резкое движение, но собака, стоявшая совсем близко, зарычала, обнажив огромные клыки. *...Это похоже на страшную сказку!.. Страшная новогодняя сказка... Нонсенс! В Новый год должны быть только счастливые сказки... или вообще никаких!..*

– Идем, – нищенка, вернувшись очень быстро, повесила замок на место.

– Я боюсь, – Галина Васильевна указала пальцем на собаку.

– Это Черныш, – нищенка засмеялась, – хороший пес. Выгнал кто-то. Бегает теперь неприкаянный. Я подкармливаю его. Черныш, Черныш, иди сюда, – позвала она.

Собака завиляла хвостом и подошла, подставляя голову. Нищенка полезла в пакет, который вынесла с собой, и что-то бросила на асфальт. Галина Васильевна не поняла, что это было, но Чернышу, похоже, понравилось, и он аппетитно чавкнул.

– Пойдем, – повторила нищенка, – нам надо куда-то ехать?

– Да, – Галина Васильевна посмотрела на часы, – уже половина одиннадцатого.

– Сейчас остановим машину и успеем, – успокоила нищенка, – деньги есть, только останавливать будешь ты, а то у меня вряд ли получится, – она усмехнулась, – глупые люди. Они ж не понимают, что я богаче многих из них.

Галина Васильевна подумала, что речь идет о неких духовных ценностях, но когда, расплачиваясь с водителем, нищенка достала вполне материальную бумажку в пятьсот рублей, все окончательно встало на свои места. ...*Конечно, милостыней столько не зарабатываешь,* — решила Галина Васильевна, но даже эта мысль была вялой, не рождавшей желания бороться, – *Дашка меня убьет – ей же надо платить за следующий семестр, а деньги сейчас уплывут...*

Этажом выше Даша слышала голоса. Она сразу узнала их и старалась двигаться осторожно, прислушиваясь к разговору.

– Наташ, ты веришь, что с кем встретишь Новый год, с тем его и проведешь? – спросил Кирилл.

...А, вот, не надо! — тут же решила Даша, — *на следующий год у меня другие планы...*

– Сколько еще учиться, помнишь? – Лунина засмеялась, — так что, если никого не отчислят...

– Но ты ж понимаешь, о чем я, – обиделся Кирилл, и в этот момент Даша очень не вовремя чихнула, – будь здорова, – Кирилл глянул вниз, а Лунина помахала ей рукой. Дальше они поднимались все вместе, и молча.

Дверь им открыл... Дед Мороз! Не узнать Павлика было невозможно, но какова красная шуба и белая ватная борода!.. Потом появилась Вика в наряде Снегурочки. Она расцеловала всех по очереди, а добравшись до Даши, шепнула ей на ухо:

– Я похожа на пугало?

На пугало она была совсем не похожа, даже наоборот – костюм эффектно демонстрировал Викины формы, и Даша уверенно показала большой палец.

– А я уже старый год провожаю, – Владик показался

из комнаты с рюмкой в руке, – мать, видок у тебя клевый, – он покачал головой, оглядывая Дашу в свитере и джинсах.

– Дурачок, – она беззлобно покрутила пальцем у виска, – в прикиде, фиг бы я сюда дошла – мужики б штабелями лежали, – и поспешно скрывшись в ванной, достала из пакета аккуратно сложенное бордовое платье.

Из-за тонкой двери слышался торжественный голос Луниной, сопровождаемый громким смехом, но у Даши были свои, более важные дела. ...*Блин, врут они все!.. «taft три погоды»!.. Берлин – ураганный ветер!.. Ни фига не держит... на голове реальный взрыв на макаронной фабрике!..* Она увлеченно мазала гелем волосы, и только слишком громкий взрыв смеха заставил ее прислушаться.

– ...и осталось две свиньи, – продолжала Лунина, – одна Вика. Вот она – свинка-хозяйка, в фартучке, а вторая – Дашка, наша главная «миска». Свинка-принцесса.

...Я те покажу свинку! — возмутилась Даша, забыв, кто является символом наступающего года, – *сама свинья жирная!..*

Последний локон наконец кокетливо вытянулся вдоль щеки. Даша распахнула дверь и торжественно вступила в комнату, ожидая восторженного вздоха, но встретил ее дружный хохот. Инстинктивно Даша сначала глянула на свои колготки, но потом взгляд отыскал на столе замечательного розового поросенка – не по-свински длинноногого, с задорным пятачком, а главное, одетого в неприлично короткое бордо-

вое платье с голой спиной и подтянутой грудью.

– Вы чего, в одном бутике одевались? Класс!.. – Настя захлопала в ладоши.

– Да ну вас всех! – Даша покраснела даже под слоем тонального крема. ...*Оборжали!.. Хоть бы кто заценил!..* — она брезгливо взяла свое новое отображение, – *не, прикольно, конечно, но почему оно тоже бордовое!..*

– Даш! – Настя обняла подругу, – Дашка, слышь, ну, ты чего? Глянь на меня, – она выловила из стада, пасшегося среди тарелок, поросенка, который сосал ручку, бессмысленно глядя в книгу, – я, вот, двоечница, и не расстраиваюсь.

Даша тут же решила, что если б она училась так, как Настя, это было б гораздо хуже какой-то дурацкой игрушки.

– Хорош, девчонки! – провозгласил Дед Мороз, перегоняя стадо свиней на подоконник, – давайте садиться. Договаривались на десять, так что больше никого не ждем.

Дашу Вика усадила рядом с Кириллом, но если днем их «коварный план» выглядел, скорее, прикол, то после «свинки-принцессы» Дашино настроение резко изменилось – нет, Кирилл не стал ей более интересен, но отбить его, сделалось целью сегодняшней ночи. ...*А пусть тусуется со своими свиньями!.. С родней, оно будет как-то ближе!..* – Даша надменно взглянула на Лунину, но та, похоже, не заметила вызова, и преспокойно устроилась по другую сторону от жениха. «Дед Мороз» взял бутылку, но это время в дверь позвонили, и послышался приглушенный Ва-

НИН ГОЛОС:

– Без нас не наливать, слышите? Мы уже тут!

*

Пока они ехали, потом молча шли к подъезду и взбирались на четвертый этаж, Галина Васильевна успела перебрать десяток вариантов избавления от нежелательной гостыи. Чего только не лезло в голову – даже, как в кино, столкнись ее с лестницы.

...Нашлась киллер!.. Я послать-то по-русски ее не могу... – подумала она обреченно, – зато где не надо, ох, какая решительная – сидела б сейчас в ресторане, тихонько пила шампанское и наблюдала, как Дед Мороз устраивает бег в мешках!.. Наверное, это мне в наказание, чтоб не крутила носом... разборчивая невеста... Только делать-то теперь что?..

Открыв дверь квартиры, она включила свет. Как же она любила все эти вещи, преданно встречавшие ее каждый вечер! *...И ведь что-то из них обязательно исчезнет с уходом этой «черной вороны». Ужасно! Я должна этому помешать, раз уж вляпалась в историю!..*

Галина Васильевна повернулась, собираясь сообщить, что планы изменились и праздновать она будет совсем даже не одна (может, хоть это спугнет мошенницу), но увидев с каким благоговением та разглядывает обстановку, подума-

ла: ...*Наверное, она уже забыла, как выглядит нормальный дом. Куда она сейчас пойдет? Она ведь тоже человек, и к тому же пока не сделала мне ничего плохого – это ведь мои домыслы!..*

– Уютно у вас, – сказала гостья, – старая мебель... спасибо, что позвали.

Фраза окончательно обезоружила Галину Васильевну.

– Раздевайтесь, – она вздохнула, поняв, что сопротивляться бесполезно.

При ярком свете Галина Васильевна наконец-то смогла рассмотреть, кого привела в свой дом. Из-под длинного черного пальто виднелись немодные сапоги с белесыми носами; черный платок был завязан настолько туго, что делал голову неестественно маленькой – вообще, женщина напоминала кокон с человеческим лицом... с очень странным лицом. Его удивительное притяжение Галина Васильевна испытала еще на остановке, а теперь, изучая внимательно, не могла понять, что же привлекло ее в первую очередь: большой нос или тонкие губы, которые, даже улыбаясь, вроде, насмехались над тобой?.. Нет, скорее, глаза – ясные, будто светящиеся изнутри. Правда, и их трудно было назвать красивыми – для этого они выглядели слишком маленькими и сидели близко к переносице. Зато все это вместе создавало неповторимый, завораживающий образ.

...*Какая причуда природы, – подумала Галина Васильевна, — из стольких уродств получилось...* Гостья отвернула-

лась, снимая пальто, и Галина Васильевна не успела охарактеризовать, что же именно получилось.

Под пальто оказалась вязаная кофта и длинная юбка, вместо сломанной «молнии» застегнутая двумя булавками, зато из-под платка возникла аккуратная стрижка, сделанная, похоже, не так давно. Правда, она не шла к такому типу лица – короткие виски только подчеркивали широкие скулы, добавляя в облик нечто азиатское. Но самым неприятным был запах, сразу распространившийся по квартире – смесь пота, керосина... наверное, было еще что-то, но, по незнанию, Галина Васильевна не могла дать всему точных определений. Она невольно потянула носом и брезгливо поморщилась.

– Извините, – гостя виновато склонила голову, – обычно я хожу в баню, но под Новый год все везде расписано. Знаете, это теперь модно, встречать Новый год в бане... У вас же есть ванна? Если не возражаете, я могу помыться.

Предложение не вызвало ни протеста, ни даже удивления. Впрочем, после того, что эта женщина вообще оказалась здесь, удивляться было уже нечему, и Галина Васильевна кивнула.

– Тогда надо и переодеться, – продолжала гостя, – это ж не только я так пахну.

Галина Васильевна тут же решила, что у нее, как у всякой женщины, есть масса вещей, которые жаль выбросить, но и надевать их она не будет никогда. Обычно подобное старье отвозят деревенским родственникам или складыва-

ют возле мусорных контейнеров, но ее родственники давно умерли, а нести на помойку почему-то казалось стыдным.

– Идемте, – Галина Васильевна распахнула шкаф. Одним движением отделила то, что считала нужным, – вот, посмотрите здесь. Потом можете забрать их все.

– Спасибо, – нищенка принялась придирчиво щупать ткань, расправляя рукава и подолы, и наконец облюбовала строгий темно-зеленый костюм.

Галине Васильевне он тоже нравился, но от длительной носки шерсть вытянулась. В таком виде секретарь директора не могла ходить на работу, и, тем не менее, на мгновение ей стало жаль, словно у нее забирали кусочек прошлого.

– Тогда уж и белье, – бесцеремонно напомнила гостья, но тут же смилостивилась, – можно какое поплоче. У меня дома-то есть, но я ж не думала...

– Да-да, – Галина Васильевна с готовностью распахнула вторую створку и выбрала комплект, который купила очень давно, погнавшись за дешевизной, – подойдет?

– Мне все подойдет, – собрав одежду, нищенка уверенно направилась в ванную.

– Вот мочалка, шампунь, полотенце... – попыталась объяснить Галина Васильевна.

– Спасибо, я разберусь, – гостья закрыла за собой дверь. В ванну с шумом полилась вода, – а вы пока посмотрите мой пакет! – крикнула она, – там есть кое-что вкусное!

...Боже, что происходит?.. Это полное безумие... – Гали-

на Васильевна привалилась спиной к стене и закрыла глаза.

За окном со свистом взлетела ракета, озарив пространство желтоватым светом, и возвращая Галину Васильевну в реальность. Она бросилась к зеркалу, и схватив шкатулку со скромными драгоценностями, затравленно огляделась. Лучшее, что ей удалось придумать, были Дашкины учебники. За них же она спрятала и деньги.

...Туда она не сунется, а больше у нас и брать-то нечего!.. Только почему я так боюсь ее? Может, она просто несчастный человек, а я трусиха – я всего боюсь. И собак, и Николая Сергеевича, и... и... Тут она пришла к выводу, что слово «всего» достаточно емко, и не стоит дальше конкретизировать. Взглянув на часы и с ужасом обнаружив, что уже одиннадцать, Галина Васильевна поняла – ни о каких салатах не могло быть и речи. Распахнула холодильник, заранее зная, что не обнаружит ничего праздничного, кроме бутылки шампанского.

...Интересно, что она принесла? Может, это все-таки съедобно?.. Осторожно заглянула в пакет и увидела сверху две бутылки – шампанское и коньяк, причем коньяк... Галина Васильевна помнила эту этикетку еще со времен своей молодости (стоил он тогда на рубль дороже водки) – четыре звездочки и горный баран с крутыми рогами...

Но заниматься воспоминаниями было некогда. Отнеся бутылки на стол, она извлекла сыр, подернутый зеленой пленкой; правда, ценник на фирменной упаковке супермарке-

та недвусмысленно намекал, что плесень появилась вовсе не от плохого хранения (Галина Васильевна даже пересчитала цифры, решив сначала, что ошиблась на порядок). Еще в пакете лежала копченая курица, карбонат и готовые салаты в прозрачных контейнерах. На самом дне, среди россыпи мандаринов затерялась баночка икры и... освежитель воздуха. Галина Васильевна недоуменно повертела в руках зеленый баллончик.

...Судя по закуске, могла бы позволить себе приличный дезодорант... А, может, она все это украла?.. Конечно, украла! Кто-то ехал домой... может, пьяный... — поддаваясь голосу совести, напоминавшему, что краденое надо возвращать, она с сожалением оглядела лежавшие на столе продукты, но возвращать их все равно было некому, — ...нет, не украла, — успокоила она себя, — я же ничего не могу доказать... Вот тебе, и нищенка!.. — Галина Васильевна вдруг сообразила, что даже не знает, как зовут гостью, — совершенно идиотская ситуация!.. С другой стороны, на то и Новый год — почти как в «Иронии судьбы». Только там сразу ясно, кто плохой, а кто хороший...

Наконец в ванной стало тихо.

— Половина двенадцатого! — громко крикнула Галина Васильевна, пользуясь паузой.

— Я успею! — бодрый голос совсем не был похож на тот, который монотонно бубнил у магазина, насчет Христа, — кстати, меня зовут Ксения!

– А я – Галя! – Галина Васильевна поняла, что соскучилась по своему имени. К ней давно уже никто так не обращался, ведь ни родственников, ни подруг, ни ласкового мужчины у нее не было, а Даша звала обезличенно, «мама». Для посторонних она являлась «гражданочка, передайте за проезд», на работе «Галина Васильевна, шеф занят?», а тут ... *Галя... так просто, а, вроде, сразу молодеешь лет на десять...*

Дверь открылась, выпуская в коридор жаркий влажный пар, и в этом облаке возникла женщина. Галина Васильевна... то есть, теперь Галя, даже не сразу признала ее, потому что изменилась не только одежда, но и с лица, обретшего здоровый розовый цвет смылся серый налет скорби.

– Замечательная вещь – своя ванная... – Ксения подняла руки и довольно потянулась. Галя хотела заметить, что, судя по содержимому пакета, она б давно могла снять себе нормальную квартиру с нормальной ванной, но Ксения опередила ее, – однако это не главное в жизни... я так думаю. Можно я уж воспользуюсь и твоей косметикой?

– Все на трюмо, – механически ответила Галя, ловя себя на мысли, что давным-давно, когда носила этот костюм, она сама стриглась примерно так же. Это было захватывающее ощущение, будто смотришь вслед самой себе. ... *А надо смотреть на часы!* – вспомнила она, – *черт, скоро уже президент выступить будет!.. Так... хлеб еще порезать...*

– Я помню такие трюмо, – Ксения уселась перед зерка-

лом, – у нас оно тоже было. Хотя в то время у всех мебель была одинаковой, да? – она обернулась, хитро взглянув на хозяйку, суетившуюся у стола, – всякие огромные буфеты, в которых всегда прятали варенье... От тебя тоже прятали – там, наверху?

– Я не помню. Может быть, – без острой необходимости Галя старалась не вспоминать свое детство, да и юность тоже. ...*Зачем она здесь, эта Ксения, чтоб напомнить, как по-дурацки истратила я свою жизнь?..* Но гостья, похоже, не имела столь глобальных планов, потому что спросила:

– Ты купила эту квартиру или от мужа осталась?

– Получила в наследство, – закончив сервировку подсвечником, Галя включила телевизор и уселась на стул. Внезапно из коридора пополз чарующий аромат хвои, и вслед за ним вошла Ксения с баллончиком освежителя.

– Хвойный. Правда, похоже? Это я в прошлом году придумала, – она засмеялась.

Галя с удивлением смотрела на преобразившуюся гостью – глаза, обведенные контуром, сделались больше; утратившие бледность губы скрадывали длину носа; кожа сделалась ровной, с легким румянцем. ...*Кто б мог подумать, что она умеет пользоваться косметикой!.. Да ей лет-то, наверное, не больше, чем мне!.. Что делают с человеком одежда и макияж!..*

– Что ты так смотришь? – Ксения продолжала улыбаться.

– Ты стала совсем другой...

– А женщина выглядит так, как хочет выглядеть, разве нет?

– Если бы!.. – Галя печально вздохнула. Музыка в телевизоре смолкла и появилась панорама припорошенной снежком Красной площади, – смотри, а у них снег.

– Завтра и у нас будет – я по радио слышала. Есть у меня маленький приемник... такой, вот, – Ксения раздвинула пальцы в размер спичечного коробка, – в подвале, кроме «Маяка» он, правда, ничего не ловит...

– Давай, садись, – Галя отодвинула стул, потому что камера уже нашла лицо президента.

– Ты собираешься его слушать? – удивилась Ксения, – разве сама не знаешь, что все у нас хорошо, а будет еще лучше? Ты шампанское открывай.

– Только не я! – Галя отодвинула опасную бутылку, – помню, девчонками еще, – она засмеялась, – как-то я так открыла его, что сразу заправила все салаты. С тех пор я себе не доверяю.

– Смотри, как это делается, – Ксения сняла фольгу, и раскрутив проволоку, принялась осторожно раскачивать пробку, – в подвале лучше не шуметь, поэтому если я пью шампанское...

– А ты пьешь шампанское? – с улыбкой перебила Галя.

– Почему нет? – Ксения придавила пробку, ожидая боя курантов, – под настроение...

Ответ был абсолютно логичным, но никак не соответство-

вал образу жизни бомжей.

– Ксения, кто ты? – Галя наконец задала вопрос, так долго мучивший ее, – ты просишь милостыню и пьешь шампанское, одеваешься, как нищая, а стрижка – я ж вижу...

Но в это время камера переползла на циферблат Спасской башни. Обе женщины повернулись к экрану, считая удары. На седьмом Ксения ловко вытащила пробку, на девятом пенящаяся жидкость полилась в бокалы, и наконец, с двенадцатым ударом раздался хрустальный звон.

– Загадала желание? – поинтересовалась Ксения, залпом осушив бокал.

– Я вышла из того возраста, – сделав несколько глотков, Галя взяла бутерброд с икрой. (Еще накрывая стол, она решила, что именно с него начнет свой очередной год).

– А разве есть такой возраст, когда отсутствуют желания? – похоже, Ксения не была голодна, и откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдала за хозяйкой.

– Желания-то есть, – Галя смутилась, – только от Деда Мороза подарков не дождешься, пока сама не купишь.

– Это да... а к подаркам судьбы ты как относишься?

Гале ужасно хотелось взять еще бутерброд, но есть в одиночку было не красиво, и она придвинула гостье попавшуюся под руку тарелку с сыром.

– Ты ешь. Почему ты ничего не ешь?

– Мы разве куда-то спешим? – Ксения прищурила глаз.

– Нет, конечно! – чтоб скрыть неловкость, Галя предло-

жила, – давай зажжем свечи?

Процесс занял не больше минуты, но как все сразу изменилось! Уютный полумрак и трепещущий живой огонь, даже без елки и новогодней мишуры, создавали иллюзию сказки, для которой бодрая музыка и радостные люди на экране казались совершенно лишними.

– Может, выключим? – Галя щелкнула пультом, однако чарующей тишины не получилось, потому что за окном началась настоящая канонада, и темное небо озарилось десятками разноцветных вспышек, – красиво... – она подошла к окну, наблюдая, как гаснут зеленые звезды, а на их месте с треском вспыхивают красные, – раньше на салют весь город ходил. Это было событие, а теперь каждый устраивает, когда хочет... помню, Первого мая... все красивые... – Галя пыталась вернуть давние ощущения, но находила лишь словесные формулировки.

...А тогда было наоборот, – подумала она с грустью, – никогда не хватало слов, зато сколько эмоций!.. Наверное, этим и отличается юность от старости...

Неприятный вывод сразу убил желание созерцать огненную феерию. Если б Галя была одна, то, наверное, залезла б под одеяло, и укрывшись с головой, принялась мысленно переключать бумаги – это нудное занятие действовало на нее гораздо эффективнее, чем классический пересчет слонов; слоны, наоборот, будоражили воображение и только мешали заснуть.

– Эй, ты где?..

Галя услышала хрустальный звон и обернулась. Ксения призывно постукивала бокалом о бокал, и в дрожащем пламени было видно, что она улыбается... а, может, это была какая-то гримаса, ведь свечи всегда вносят двусмысленность.

– Здесь. Куда ж я денусь? – Галин бокал вновь оказался полон, и она подняла его, – за что выпьем?

– За подарки судьбы, – напомнила Ксения.

– Хочешь, расскажу историю? – Галя вновь сделала глоток и поставила бокал, – ну, про подарки судьбы. Жил в одном селе кузнец. Мастер замечательный, но человек очень суеверный. Странно для кузнеца, да?.. Но, тем не менее. Особенно боялся он цыган. И вот однажды проходил через село табор, и пришла к нему цыганка – лошадь попросила перековать. Кузнец заперся в кузнице и ни в какую. И просила она его, и деньги предлагала, а кузнец только твердил, мол, не притронусь к твоей проклятой лошади. Так и ушла цыганка ни с чем, а на прощанье сказала, что умрет он от лошади...

– Знаю я эту байку, – Ксения махнула рукой, – через много лет, когда и лошадей уже не осталось, ехал кузнец на машине...

– На велосипеде, – поправила Галя.

– Какая разница? Мой кузнец был побогаче, а твой – победнее, – Ксения засмеялась, – главное, остановился он у столба. Тут тоже – одни говорят, шину подкачать, другие,

по малой нужде; на него упал дорожный знак, и убил его, так? А знак был «Осторожно: гужевого транспорт», и лошадь нарисована.

– Я всегда догадывалась, что это притча, – разочарованно вздохнула Галя.

– Конечно, – Ксения вновь наполнила свой бокал, – вся жизнь – сплошная притча, если ее правильно понимать, – она замолчала, уставившись в окно, но канонада не располагала к размышлениям, – расскажи лучше о себе, – предложила она.

– Зачем?

– Просто так. Попробуем отыскать твою судьбу – она же есть у каждого человека.

– Наверное, есть... – Галя снова вздохнула, мысленно проносясь над запретной территорией прошлого, огороженной глухой стеной с крошечной калиткой. Если у нее действительно имелась судьба, то заключена она была, именно, там...

*

Президент говорил серьезно и вдумчиво, как и положено президенту. Говорил о неуклонном повышении доходов, о росте цен на нефть и благах, которые это должно сулить всему народу, но Даша его не слушала.

...Ромка – сволочь, – в сотый раз решила она, – куда его

черт понес? Отрывается с кем-нибудь, но ничего, он еще свое получит!.. Блин, и Кирилл этот... Неужто так и будет всю ночь за Луниной ходить по пятам?.. Вика говорила – мы привяжем ее, если надо... Надо!.. И где та Вика? Снегурочка хренова!.. Подруга называется!.. Хозяйка должна заботиться, чтоб всем было весело, а ей бенгальские огни дороже!.. И эта шлюшка... – от обиды Даша даже прикусила губу, потому что ей было хорошо видно, как рука Владика сжала Настину ногу, собрав складку на колготках. Сама Настя при этом выразительно подкатила глаза, – проститутка!.. Не терпится ей... Анька, ладно – она просто дура, – Даша повернулась к часам, стоявшим в шкафу, – сейчас они пробьют, и что?.. Новый год, блин...

Четыре бутылки в твердых мужских руках нацелились в потолок. При этом Вика уткнулась в плечо Павлика, Аня зажмурилась и закрыла ладонями уши, а Настя замерла, держа наготове бокал. Что делала Лунина, Даша не видела за Кириллом, но вряд ли что-то интересное.

– Только не в люстру, миленький, любиминький, котенок... – жалобно причитала Вика.

...Полный отстой – чувствовать себя манекеном, когда другие крутят любовь!.. – Даша демонстративно уставилась на Кирилла, – debil, блин!.. Повернись! Ты что, шампусик первый раз видишь?.. Сравнил бы лучше меня и свою Лунину!.. Прыгает вокруг нее... реальный козел!..

Президент замолчал, напоследок пожелав россиянам

счастливого года.

...Как же!.. Начался с Ромки; потом эта дурацкая свинья... Застрелиться легче!..

И в этот момент ударили куранты.

– Загадывайте желания! – воскликнула Вика.

...Хочу, чтоб Кирилл бросил Лунину, – механически подумала Даша, но тут же спохватилась, – и зачем он мне? Это же на весь год получается!.. А кто? Ромка?.. На фиг!.. Уже не нужен!.. Во! Хочу сдать сессию!.. Нет! Чего сессия? Куда она денется?.. Хочу...

Наверное, понятие «счастье» выглядело слишком абстрактно, и Даша судорожно искала для него конкретное воплощение, однако слово оказалось настолько многогранным, что никак не помещалось под куцым одеялом ее фантазий. А куранты продолжали неумолимо озвучивать поступь седобородого волшебника с огромным мешком неизвестно чего, спускавшегося по небесной лестнице.

Пробка из Ваниной бутылки со звучным хлопком врезалась в потолок. Тут же последовало еще три выстрела, распугивая и без того хаотично метавшиеся Дашины мысли.

– Ура!!! – закричала Вика.

Даша схватила бокал, вместе со всеми подставляя его под шипящие струи. Жидкость тут же превращалась в пену, которая, казалось, должна была вот-вот поползти через край, но вместо этого исчезала, оставляя на дне глоток терпкого напитка. Конечно, потом можно будет доливать его еще

и еще, пока бокал не сделается полным, но это будет потом, а пока момент истины был упущен – Новый год стал обычным новым днем, и в телевизоре уже звучал гимн, с которого начиналось каждое утро. Даша конечно не думала, что жизнь похожа на этот пресловутый бокал – ей просто стало обидно, ведь она так и не успела ничего загадать. *...Хотя какой смысл? Это ж так, глупая традиция,* – и тут ей в голову пришла потрясающая мысль, в корне менявшая все, – *да и что такое Дед Мороз, если есть Сюр!..*

– Ой, гляньте! – Аня бросилась к окну, где над крышей соседнего дома, на невидимом стебле распустился огромный красный цветок. Вслед за этим задрожали стекла и яркие сполохи окрасили небо. Подобное зрелище стоило видеть!..

Остальные тоже подбежали к окнам, и за столом остались только Лунина с Кириллом. Толкаясь в гуще народа, Даша искоса наблюдала, как Кирилл что-то прошептал Луниной на ухо, но та отрицательно покачала головой. Тогда Кирилл встал и вышел. Даша вспомнила, что в Викиной квартире окно второй комнаты – спальни, выходит не во двор, а открывается оттуда прекрасная панорама водохранилища с низким левым берегом.

...Вот, где, небось, красотища!.. Интересно, Кирилл двинул туда или в сортир?.. Блин, с такими подругами единственный шанс нормально провести вечер – все лепить самой!..

Выбравшись из толпы, Даша сделала вид, что идет на кух-

ню, а сама свернула в другую сторону. Впрочем, в конспирации не было особого смысла, так как Лунина, задумчиво улыбаясь, взирала на визжавших от восторга однокурсников. Ей такие фейерверки отец мог закатывать хоть каждый день!..

Даша открыла дверь спальни и увидела Кирилла, одиноко стоявшего у окна. Неслышно ступая по мягкому ковру, она подошла и остановилась за его спиной. Снопы разноцветных искр взлетали, то слева, то справа; то выше, то ниже, превращая созданную для покоя ночь, в хаос, и грохот его творения докатывался сюда глухими раскатами.

– Кира... – ласково позвала Даша.

*

– Так ты что-нибудь расскажешь? – повторила Ксения, – мне ж интересно, с кем я сижу.

– А мне-то как интересно!.. – Галя рассмеялась самой постановке вопроса.

– Я – гостья, а ты – хозяйка, вот и начинай.

Галя не уловила логики, но идея выглядела заманчивой. Собственно, она не отличалась оригинальностью, потому что в любой заповедник периодически должен являться егерь, способный провести ревизию и переоценить оставшееся имущество. Причем, «заповедники прошлого» нуждаются в таком процессе, как никакие другие.

...А ведь все могло сложиться иначе... – с этой мысли начинались все «ревизии», и ею же заканчивались. Прикидывать, лучше бы было или хуже, не хотелось, потому что тогда можно просто сойти с ума. Галя сцепила руки с такой силой, что суставы хрустнули... а, может, это были и не суставы – может, это щелкнул замок, отпирающий заветную калитку...

– И что тебе рассказать? – она уставилась в угол, мысленно определяя «территорию для экскурсии», – про папу и маму? Они были врачами; в то время это еще звучало гордо. Я тоже поступила в медицинский, но на первом курсе влюбилась. Да так, что появилась Дашка... только, оказывается, влюбилась лишь я, а он – нет, и все пошло наперекосяк...

– Знаешь, – перебила Ксения, – то, что ты рассказываешь, это конечный результат, а ты расскажи, что есть внутри тебя. Например, какой-нибудь сон.

– Сон?.. Зачем? – удивилась Галя, уже собравшаяся до утра изливать душу.

– Сон – это то, что внутри тебя. Если человек перестает видеть сны, значит, его миссия исчерпана. Ты, вот, видишь сны?

– Конечно, вижу! – поспешно ответила Галя, так как не считала свою миссию исчерпанной, – сегодня, например.

– И что тебе снилось?

– Мне снилось дерево. Ветки его бесконечны – откуда-то я это знаю; и знаю, что один его корень тянется в небо, другой стелется по земле, а третий исчезает во тьме, где обитают

мертвые. Это самое красивое дерево, – для полноты впечатлений Галя прикрыла глаза, – и я его видела... Оно растет так, чтоб охватить все миры...

– С чего ты это взяла? – Ксения прищурилась.

– Не знаю. Еще там был огромный Волк, скованный цепью, и Змей, который грызет корни дерева, поэтому любой из них может засохнуть, и это будет ужасно... А еще там живет Орел, меж глаз которого сидит Ястреб, а по веткам вверх-вниз бегают Белка, передавая слова Орла Змею, и потом несет его ответы обратно Орлу...

– Зачем?

– Может, Орел хочет испугать Змея, а, может, отвлечь от работы. А еще в ветвях дерева есть город, и там большой золотой дом. На крыше золотого дома стоит Коза. Она щиплет листья дерева и из ее вымени течет молоко. Рядом с Козой стоит Олень. Он тоже ест листья, но с его рогов капает жидкость, наполняющая реки...

– Там есть и реки?

– Это не просто реки – это реки прошлого, настоящего и будущего, и еще одна река, отделяющая живых от мертвых. Все они текут из рогов Оленя – текут вместе, путая свои воды, как дерево путает пространства, пронзая их... Я просто разглядывала все это, но вдруг почувствовала, что где-то там находится моя дочка, Дашка. Тогда я страшно испугалась и закричала...

– А сейчас где она? – перебила Ксения.

– Празднует с друзьями, но ночью обязательно забежит. Она у меня красавица!

– Красавицам сложно – у них всегда комплекс принцессы, и поэтому куча проблем. По крайней мере, так говорят. Никогда не была красавицей, – Ксения усмехнулась, – а насчет сна... Знаешь, мне иногда кажется, что миры параллельны и во сне со всеми ними мы имеем связь.

– Кто, мы?

– Люди. Вернее, их души, которые не нуждаются в отдыхе. Пока одно физическое тело спит, душа занимает другое, в другом мире. Правда, это только моя догадка.

– Какая-то бредовая догадка, – поежилась Галя, пытаюсь представить себя в чужом теле.

– Может, и бредовая. Но то, что у матери с дочерью существуют мощные энергетические связи, это доказано наукой. Не знаю уж в каком мире, но с твоей Дашкой что-то происходит, – Ксения взяла бутылку с остатками шампанского.

– Мне хватит, – предупредила Галя, – а то буду пьяная. Дочь придет – ужаснется.

– Ладно, – Ксения наполнила свой бокал до краев, – чтоб все ужасы остались во сне.

– Давай включим телевизор, – предложила Галя, потому что возникшая тема ей не нравилась.

– Давай, – Ксения повернулась к экрану, – сто лет уже не смотрела. Хотя, сто не сто... – она подняла взгляд к потолку, – но лет пять точно. Последний раз это было, как я

говоря, «в прошлой жизни». Тогда у меня в офисе стояла огромная «плазма», в полстены...

– Где стояла? – Галя подумала, что ослышалась.

– В моем кабинете. Я ж говорю, это было в прошлой жизни.

И тут у Гали наконец-то, впервые за весь вечер, появилась версия, дававшая ответ на все вопросы сразу – перед ней сумасшедшая, и все, что здесь говорилось, элементарный бред.

...Может, пока не двинулась, она была секретаршей, типа меня; стоял у нее в приемной телевизор, и она помнит это! И все – больше ничего нет! Жизнь такая, какой представляют все люди – спонтанная и непредсказуемая, но четко укладывающаяся в отведенные годы!..

На экране возникло лоснящееся, самодовольное лицо Николая Баскова.

– Как он мне нравится!.. – воскликнула Галя, окончательно возвращаясь к реальности.

*

– Кира... – повторила Даша громче.

Кирилл обернулся и удивленно замер, ожидая увидеть совсем не ее.

– Даш, тебе чего?

...Блин, самый идиотский вопрос, который можно придумать! И как на него отвечать?.. Любой урод понял бы,

а этот смотрит... Хоть бы улыбнулся!..

– Тебе здесь не скучно? – Даша кокетливо прикусила губу и потупила взор, подумав, что ее вопрос звучит не менее дурацки.

– Ты глянь, как классно! – Кирилл снова повернулся к окну.

...Он, правда, дурак или прикидывается?.. Ладно, проверим – только б не начал звать на помощь!.. – она положила руки Кириллу на плечи; почувствовала, как тот напрягся, но промолчал. Это придало уверенности, и Даша сзади прижалась к нему, обняв за шею...

– Дашка, зачем ты это делаешь? Ты чего, пьяная? – Кирилл повернулся, и их лица оказались совсем рядом.

...И теперь должна войти Лунина!.. – Даша склонила голову, прицеливаясь к губам Кирилла, – *а утром пусть выясняют, кто с кем целовался. А сегодня Новый год!..*

– Ты считаешь, только пьяная девушка может подойти первой? Может, ты мне нравишься... – томно произнесла она.

– Сроду не знал!..

– Я умею скрывать свои чувства, – Даша обворожительно улыбнулась, – а сегодня... да, я чуть-чуть выпила. Иначе б конечно не решилась тягаться с Наташкой... – наверное, зря она упомянула Лунину – лицо Кирилла из приятно-удивленного сделалось серьезным.

– Ты не понимаешь, – сказал он, ловко выныривая из Да-

шиных объятий, – давай сядем и поговорим спокойно, – он бесцеремонно опустился на хозяйскую постель, и Даше ничего не оставалось, как присесть рядом, – хочешь, по-честному?..

– Ну, валяй, – она пожалала плечами. Серьезные разговоры не входили в ее планы, но все равно лучше слушать что-то обращенное лично к тебе, чем неприкаянно болтаться среди веселых, довольных собой парочек.

– Даш, ты классная... ну, во всех отношениях, – Кирилл ненавязчиво положил руку на ее колено, – но у меня есть проблемы, которые ты не можешь решить.

– А почему я должна решать чьи-то проблемы? – удивилась Даша, – я, вообще-то, считаю, что мужчина должен решать мои проблемы, а не я его.

– Во-во, – Кирилл обреченно кивнул, – все так считают.

– Кроме Луниной, да?

– О чём ты говоришь?.. – Кирилл махнул рукой, – у нее просто нет проблем, поэтому с ней легче, чем с другими. Но не в этом дело. Как тебе объяснить?..

– Честно. Ты ж обещал, – подначила Даша. Ей стала нравиться забава, напоминавшая столь любимый «Дом-2».

– Допустим, ты мне тоже нравишься... но ты ж сразу захочешь красивой жизни, так ведь?

– Ты что, собираешься на мне жениться? – Даша еле сдержалась, чтоб не расхохотаться.

– А почему бы и нет? – Кирилл пожал плечами, – но для

этого у меня должны быть материальные возможности, ведь у тебя самой их нет. Ты понимаешь, к чему я клоню?

– Нет, – ответила Даша из вредности, хотя прекрасно понимала, к чему он клонит.

– Хорошо, – Кирилл вздохнул, – я всегда думаю о будущем, а оно вырисовывается не слишком радужное – я не семи пядей во лбу и «волосатой лапы» у меня нет. Это означает, что с нашим дипломом мне особо ничего не светит, а у Луниной есть папа, и теперь я буду проходить практику в его банке. Мы с ним уже договорились. А Наташка... ну, потерплю ее некоторое время – я ведь умный, – Кирилл посмотрел на Дашу, ожидая реакции, но та, обескураженная таким откровением, молчала.

...«Дом-2» *отдыхает!*.. – эта мысль вызвала у нее улыбку.

– Зря смеешься, – сказал Кирилл, приняв ее на свой счет, – сама увидишь, как все будет, если подождешь лет пять – три, пока закончим, – он загнул пальцы, – и еще два, думаю, мне хватит, чтоб под чутким папиным покровительством...

– А ты дерьмо, – Даша покачала головой, – ты за кого меня держишь? Я буду ждать, пока ты женишься на Луниной, настрадаешь ей детей, облапошишь отца, бросишь ее с этими детьми, потому что алиментов от тебя не дождешься, а потом придешь ко мне и скажешь – они, вон, все в говне, а я в белом фраке? Ты хоть понимаешь?..

Кирилл молчал, опустив голову, а Даша продолжала в еди-

ном порыве:

– ...Я тебе тоже скажу честно! Из всех, кто тут есть сегодня, ты подходишь мне исключительно по росту. Тот, кого бы я хотела видеть, не смог прийти...

– Ромка, что ли? – Кирилл злорадно усмехнулся.

– Неважно! Это так, чтоб ты знал! Ты мне нужен на вечер, чтоб не опухнуть со скуки! Понял?!..

– Не-а, – Кирилл покачал головой, – не понял. Когда я, как ты говоришь, появлюсь в белом фраке, и не такие, как ты, будут стелиться под меня! Получше!.. – чувствуя, что ляпнул лишнее, Кирилл нежно сжал Дашины пальцы, – любовь приходит и уходит, а трезвый расчет остается, и никто не свернет человека, если он поставил четкую цель.

– Ясно, – Даша резко встала, вырвав руку из его ладони. Ни обиды, ни разочарования не было – наоборот, возникло чувство легкости, вроде удалось ей выбраться из мрачного ущелья и впереди открылась прекрасная цветущая долина, – то есть, сейчас у меня нет никаких шансов? – весело уточнила она.

– Абсолютно, – Кирилл взглянул на нее в упор – видимо, все еще воспринимая их разговор на полном серьезе, – даже если ты после этого бросишься под поезд, как Анна Каренина...

– Не брошусь, не надейся!

– И слава богу, – Кирилл удовлетворенно кивнул.

...А насчет шансов, ты, Кира, можешь и не угадать. Вот,

подключу под это дело Сюра, и забудешь ты Лунину, как миленький – только, на фиг, оно мне нужно?.. Или почув- дить?.. Вообще, таких козлов убивать надо еще в роддоме!..

– Чего ты замолчала? – спросил Кирилл, – ты не должна обижаться. Ты должна понять...

– Никому я ничего не должна, усек?!..

В это время приоткрылась дверь.

– Вот вы где, – в щель просунулась голова Вики, – пошли, постреляем. У Наташки, оказывается, целый пакет всяких салютов. А молчала ведь, жопа хитрая!..

– Она не жопа, она – запасливый бурундучок, – Кирилл поднялся как ни в чём ни бывало, и вышел, обогнув стояв- шую на пути Дашу.

– Ну, как вы тут? – не удержалась Вика, поспешно закры- вая за собой дверь, – я видела, куда вы смылись, но всем ска- зала, что курите на лестнице. Лунина уж хотела идти искать, но Настька танцевать ее затащила, – Вика засмеялась, – мы – молодцы?

После общения с Кириллом Викин щебет лился на Дашу, как прозрачный дождь на иссушенную зноем землю. Запасы веселья, которые копились в душе к предстоящему праздни- ку, прорвав плотину, выстроенную из одиночества и несбыв- шихся ожиданий, стремительно вырвались наружу.

– Вы – чудо!.. Ты даже не представляешь, что есть тот Ки- рилл!.. – Даша обняла подругу.

– Ладно, потом расскажешь. Пошли, а то народ уже соби-

рается, – в дверях Вика оглянулась, – кстати, там ветер. Ты б переделась, а то задубеешь.

Даша представила, как натягивает свитер с джинсами, из принцессы превращаясь в обычную девушку, будто праздник уже закончился. А ведь он еще не начинался!.. Да не может она замерзнуть, пока внутри бьет фонтан радостной энергии!..

Вниз все спустились дружной гурьбой и остановились. Канонада уже стихла, и только редкие, опоздавшие к общему торжеству бессмысленные взрывы нарушали привычную тишину ночи. Небо вновь стало бесконечно черным, и в домах постепенно гасли окна – отдав дань традиции, люди ложились спать, оставив на утро грязную посуду, недопитое шампанское и грустное ощущение прошедшего праздника.

– Пошли на пустырь, – предложила Вика, не хотевшая, чтоб завтра соседи жаловались родителям, что их дочь «со своими придурками» перебудила весь район, и в следующий раз они непременно вызовут милицию (такое, кстати, уже случилось на Викин день рождения). Зато на пустыре, расчищенном под строительство, можно было делать все, что угодно – это ведь пока ничейная территория.

Традиционно разбившись на пары, все двинулись к пустырю. Даша шла одна, возглавляя шествие, и при этом совершенно не испытывала дискомфорта.

...И вообще мне лучше всех!.. Дурьинды, нахапали мужиков – все, alles!.. А у меня еще будет такой принц, что

они попадают!.. Ну, повисла Вика на Павлике, как мешок с картошкой, и буробит ему... сама буробит – сама смеется. Вот, клевая житуха!.. А у меня все классно!.. Только, действительно, как-то холодно... Точно, надо было одеться... – от резкого порыва ветра Даша поежилась, – и нужны мне те салюты? Насмотрелась сегодня на год вперед... Она прикинула, что дом ее совсем рядом – метрах в ста, если через дворы.

– Народ, вы идите, а я к матери забегу. Я ж примерная девочка – я всегда ее поздравляю, – Даша взглянула на часы, – обратно идти будете, зайдите за мной, ладно?

– Зайдем, – ответила за всех Вика.

Даша свернула за угол. Холодный ветер толкал ее в спину, а впереди, в знакомом окне уютно мерцали отблески телевизионного экрана.

...Собственно, так и должно быть – чего ей еще делать? Она ж не ляжет спать, пока я не зайду. Как маленькая, ей-богу... – Даша взбежала по лестнице, наполняя пространство гулким стуком каблуков, и уже стоя перед дверью, вспомнила, – блин, обычно я хоть конфетку, хоть мандаринчик приношу, а с этим козлом все из головы вылетело... Хотя она всегда говорит – главное, что живая пришла...

– Мам, ты не спишь?.. – включив свет, Даша увидела на вешалке странное черное пальто и замерла с вытянутой рукой, – у тебя что, гости?

– Да, – Галя вышла из комнаты, – а тебя это удивляет?

– Нет, но просто ты ничего не говорила.

Видя, что мать улыбается, Даша успокоилась. Скинула сапоги, куртку.

– Совсем с ума сошла! – воскликнула Галя, – в одних колготках шастает! Дашка, ты ж взрослый человек!..

– Мам, – Даша обдернула платье, словно это могло что-то изменить, – мне не холодно.

– Понятно, – Галя вздохнула, – ну, знакомься. Это Ксения. Первое, что бросилось Даше в глаза – до боли знакомый темно-зеленый костюм, но спрашивать о нем было неловко, и она решила вести вечер по устоявшемуся сценарию.

– Всех с Новым годом! Здоровья, побольше денег, хороших мужиков... мам, тебя это тоже касается... ну, и чего там вы еще хотите, – она замолчала, посчитав миссию выполненной.

Совсем рядом с домом загрохотали взрывы, небо расцвело запоздалыми салютами; Галя даже вздрогнула от неожиданности.

– Это наши на пустыре палят, – гордо пояснила Даша.

– Чего ж ты с ними не пошла?

– А, – Даша махнула рукой и тут же придумала достойное объяснение, – должна ж я тебя поздравить. К тому же, отсюда еще лучше видно, – она прильнула к стеклу, – Наташка Лунина притащила, банкирша наша.

– У вас там весело? – поинтересовалась Галя.

– Нормально, – взрывы стали реже, и Даша вновь повер-

нулась к столу, – а у вас как?

– Сидим, вот, беседуем, – Галя пожала плечами.

– Неслабо вы беседуете, – Даша повертела в руках пустую бутылку, потом наклонила вторую, пытаясь понять, сколько там осталось шампанского, и наконец повернула к себе коньяк, рассматривая этикетку, – я смотрю, мамуль, затарились вы тут не по-детски... И столик, доложу я вам!.. – она отправила в рот пластинку карбоната.

– Покушаешь? – спохватилась Галя, – тарелку принести?

– Не, это я так, – Даша присела на диван, думая, чем бы еще заполнить паузу – на пустыре стало совсем тихо, а это означало, что уже скоро за ней должны прийти, – мам, а почему ты никогда не рассказывала, что у тебя есть такая подруга?

Галя смутилась, но на помощь пришла сама Ксения.

– Ты ж, наверное, тоже не всегда все рассказываешь?

– Что вы имеете в виду? – Даша воинственно повернулась к незваному оппоненту.

– Даш, – вступилась Галя, – Ксения же просто сказала...

– Почему просто? – брови гостьи поднялись, – мне, например, по косвенным признакам, кажется, что сегодня все идет не так уж, как ты выразилась, нормально.

– С чего вы взяли? – фыркнула Даша.

– По ночам девушка ходит одна, только если у нее нет кавалера. А новогодняя ночь без кавалера, разве это нормально?

– А почему он должен идти поздравлять мою мать?

– Потому что молодые люди, если, конечно, планируют встречаться с девушкой не неделю и не две, стараются заручиться поддержкой родителей. Слово мамы, есть слово мамы. А тут такой повод – Новый год!.. Разве нет?

В чем-то загадочная гостья была безусловно права, но нельзя же перед всеми признаваться в своей неудаче, пусть даже крохотной!.. *...Опять же мать переживать будет, – подумала Даша, – и вообще! Скажу, вот, Стюру, и Ромка будет мой!.. Ну, не сейчас, раз уж так получилось, а, например, после сессии...*

– Вы не правы, – Даша покачала головой, – парень у меня есть, только я сама не взяла его. Сейчас они там постреляют и...

Словно в подтверждение ее слов, раздался длинный, требовательный звонок в дверь.

– Это, наверное, за тобой, – Ксения встала, – Галь, извини, а в туалете где свет включается?

Женщины направились в одну сторону, а Даша в другую. Открыв дверь, она удивленно остановилась; потом даже отступила на шаг, ожидая, то ли розыгрыша, то ли какой-нибудь шутки – на пороге, в гордом одиночестве стоял Кирилл.

– Не ожидала? – он засмеялся, – там такой холодрыга!.. Девки все замерзли и пошли домой, а я ж умный – я свитерок надел. Вот, меня к тебе и командировали.

– Как же Лунина-то пережила? – ехидно спросила Даша.

– В отличие от некоторых, она человек здравомыслящий и на такие мелочи не реагирует.

– Конечно, куда ж ты от папиного банка денешься?..

– С Новым годом!.. – вышедшая в коридор Галя остановилась, разглядывая высокого, симпатичного гостя, – извините, не знаю, как вас зовут.

– Кирилл меня зовут. Вас тоже с Новым годом.

– Галина Васильевна, моя мама, – нехотя представила Даша.

– Проходите, Кирилл, раздевайтесь. Выпейте с нами за Новый год? Я сейчас рюмку принесу.

– А мне выпить не предлагала! – крикнула Даша ей вслед.

– Чего ж я своего ребенка буду спаивать? А мужчине нужно! – ответила Галина Васильевна уже из кухни.

Кирилл разделся и не спеша прошел в комнату.

– Миленько у вас, – он присел на место Ксении.

– Стараемся.

– Вот, давайте, Кирилл, – Галина Васильевна поставила еще и чистую тарелку, – вам шампанского или покрепче?

– Покрепче. Там, Галина Васильевна, ветер, прям, ледяной.

– А эта коза в одних колготках скачет, – она укоризненно посмотрела на дочь, – Даш, ухаживай за гостем. Ты ж хозяйка – чего сидишь?

Пока Даша заполняла тарелку, Кирилл успел налить и коньяк, и шампанское.

– Ну, ребятки, чтоб в новом году все было хорошо... – Галина Васильевна замолчала, не зная, в чём это «хорошо» должно выражаться.

– Классный коньяк, – похвалил Кирилл, опустошив рюмку.

– Наливайте еще, не стесняйтесь, – Галина Васильевна сама взяла бутылку.

– Мам, – Даша посмотрела на нее укоризненно, – он не пьет.

– Ну, почему же? – Кирилл с вызовом поднял фужер.

Даша поняла, что допустила ошибку, задев пресловутое мужское самолюбие, и отвернулась. Собственно, какое ей дело, напьется он или нет – это проблемы Луниной.

Галина Васильевна несколько секунд переводила взгляд с дочери на потенциального жениха, и как всякая будущая теща приняла сторону мужчины. В этом не было ничего удивительного – добычу нельзя спугнуть; зато потом, пойманного в клетку, его можно безболезненно превратить, и в «бабника», и в «алкаша» и в «бездельника», не приспособленного к семейной жизни. Даша еще не понимала таких тонкостей и брезгливо наблюдала, как Кирилл буквально заталкивает в себя коньяк. Наконец выдохнув, он поставил пустой фужер, и Галина Васильевна заботливо протянула бутерброд, в который он вгрызся с жадностью.

– Пойдем, – Даша встала, решив, что после второго бокала «жених» может просто упасть.

– Ага, – Кирилл поднялся, вытирая губы салфеткой, – Галина Васильевна, вы извините, нас ждут, – он глупо ухмыльнулся.

– Конечно-конечно, – Галина Васильевна тоже встала, – Даш, джинсы одень, а там снимешь.

– Они у Вики остались. Мам, не бойся, не замерзну.

– Мать у тебя прикольная, – спускаясь по лестнице, Кирилл споткнулся, но вовремя схватился за перила, – а кто она?

– Секретарша. Извиняйте, барин, – Даша засмеялась.

– Жалко, блин... – Кирилл вздохнул.

– Меня устраивает, – Даше стало совсем весело – она придумала, чем будет заниматься остаток ночи: издеваться над пьяным Кириллом. Под настроение у нее это всегда здорово получалось – девчонки обычно укатывались со смеху!..

– А меня не устраивает, – Кирилл икнул, – прикинь, приходится разрываться...

– Разорвался, бедный!.. – Даша распахнула дверь подъезда, и закашлялась, остановленная порывом ветра, – ни фига себе!.. Это чего такое с погодой?

– Это зима, мисс. Падчерица набрала подснежников... ик!.. и все вернулось на свои места...

– Ксения, ты где? – крикнула Галя, видя, что свет в туалете выключен, но вместо ответа распахнулась дверь ванной, из которой вышла прежняя нищенка в юбке, державшейся на булавках, линялой кофте, и источала она прежний ужасный запах. Косметика с лица исчезла, и оно казалось даже более отталкивающим, чем прежде, – ты что?! – воскликнула Галя, – время – два часа! Куда ты собралась? Я тебя обидела?..

– Меня? – уголки губ поползли вверх, и стало ясно, что Ксения смеется, – разве можно обидеть нищую, дав ей тепло и кров? Ты тут не при чём.

– А кто?.. Подожди! – видя, что гостя направляется к выходу, Галя схватила ее за руку.

– Когда появилась твоя дочь, мне стало неуютно. Вокруг нее ходит смерть.

– Что ты несешь?!..

– Я говорю, что она несет смерть.

– Ты сумасшедшая!

– Я не такая сумасшедшая, как ты думаешь, – Ксения обулась, надела пальто, повязала платок – Гале показалось, что она похожа на жуткую черную птицу с длинным клювом. «Птица» сама открыла дверь и стала медленно спускаться. Правый сапог у нее чуть поскрипывал, и еще с минуту Га-

ля слышала этот противный звук; затем он исчез, потерявшись в голосах, поднимавшихся снизу вместе с сигаретным дымом.

Конечно, последнее пророчество являлось таким же бредом, как кабинет с телевизором и все остальное, но, тем не менее, настроение было испорчено. ...*Господи!* – больше Галине Васильевне спросить было не у кого, – *и зачем только я привела ее?..* – заперев дверь, она, на всякий случай, проверила содержимое тайника, и, уж совсем на всякий случай, набрала Дашин мобильный.

– Даш, у тебя все в порядке?

– К-конечно, а ч-что?

– Ничего, это я так. Знаешь, внутри что-то шевельнулось...

– М-мамуль, все н-нормально, – Даша старалась не показать, как от холода у нее стучат зубы, и, похоже, ей это удалось, потому что мать произнесла стандартное «будь умницей», и, положив трубку, принялась убирать оставшиеся закуски.

– Что там? – спросил отрезвевший Кирилл – похоже, для Деда Мороза бокал коньяка не являлся достойным противником.

– Н-не знаю. Мать чего-то...

– Ты – ледышка, – Кирилл прижал к себе девушку, – давай заскочим в подъезд, погреемся.

Даша молчала (молчать почему-то было теплее, чем раз-

говаривать), и Кирилл распахнул первую же дверь без кодового замка. Когда Даша прижалась бесчувственными коленками к горячей батарее, он стиснул ее плечи, и уткнулся лицом в нежно пахнущую парфюмом шею. Даша не сопротивлялась – в тот момент ей было не до такой ерунды, но постепенно жизнь возвращалась, и вместе с ней в голову стали возвращаться мысли. Она смотрела в грязное окно чужого подъезда, радуясь, что злые колючие снежинки, не могут до нее добраться. *...И это здорово!.. Только зачем тут Ки-ра, а не...*

– Я согрею тебя душевным теплом, – прошептал Кирилл.

– Каким теплом?.. – Даша решила, что ей почудилось, – ты забыл, о чём говорил час назад?

– Ты меня неправильно поняла... вернее, я сам себя неправильно понял.

Он развернул девушку и неожиданно прильнул к ее губам. Даша сначала вырывалась, но вдруг решила, что сама же хотела этого, по крайней мере, на сегодняшнюю ночь. Чуть разжала губы, давая волю его языку. Нельзя сказать, чтоб это оказалось как-то особенно неприятно (не хуже и не лучше, чем с теми немногими, кого Даша удостаивала своим вниманием), и только когда они оторвались друг от друга, переводя дыхание, она вспомнила: *...Я же хотела, пока не знала, какое он дерьмо, а теперь мне даже жалко Наташку...* Но вкус поцелуя остался на губах, и поэтому ее голос получился совсем не гневным.

– Кира, ты чего, дурак?..

В ответ он провел ладонью по ее щеке, но Даша отмахнулась, и рука отлетела в сторону.

– Не смей больше так делать!.. Объясни, что это тебя переклинило? Луниной рядом нет, так ты решил оторваться?..

– Я объясню... – Кирилл вздохнул, собираясь с духом, – пока сидели у тебя, знаешь, я увидел все другими глазами – все какое-то заботливое, уютное... там не надо ходить на цырлах... и ты красивая... Я подумал, вдруг ты не станешь ждать пять лет?..

– Конечно, не стану!.. – презрительно фыркнула Даша.

– А без тебя остальное теряет смысл.

– погоди, а как же те, которые будут стелиться под тебя штабелями? Получше меня!..

– Даш, разве с тобой не бывает, что в сердцах наговоришь глупостей, а потом не знаешь, что с ними делать?.. – глаза Кирилла сделались печальными, как у Николаса Кейджа, когда тот играл ангела. Даша чувствовала, что погружается в них, и ласковый водоворот затягивает ее на дно.

– Бр-р!.. – она тряхнула головой, отгоняя наваждение, – слушай, тебя, между прочим, отправили, чтоб ты меня привел, а не тискал по подъездам! И, вообще, Кир, давай закроем тему.

Кирилл улыбнулся, вновь пытаясь поцеловать ее, но теперь Даша оказалась начеку.

– Не надо так делать. Я, в отличие от некоторых, говори-

ла правду – мне действительно просто было скучно. Мне хочется, чтоб кто-то танцевал со мной и все такое, понимаешь? Это праздник, и не стоит делать никаких выводов.

– А если я их уже сделал? Может, я не совсем красиво поступаю... да, я использую Наташку, но люблю-то я тебя!

– Что ты меня?.. – Даша прищурилась, словно не могла разглядеть говорившего – может, это был вообще какой-то совсем другой человек?..

– Я тебя люблю, – повторил Кирилл, четко проговаривая каждое слово, – и когда я понял, что теряю тебя, мне стало страшно. Зачем мне карьера и деньги, если не будет тебя?..

– Стоп! – Даша вскинула руку, – давай не будем сейчас ничего выяснять. По крайней мере, у меня не то настроение. Пойдем, а то Лунина твоя уже на говно изошла.

– Да хрен с ней, с Луниной!

– Закончили, – Даша строго посмотрела на Кирилла, и тот молча вздохнул.

Они вышли на улицу. Заждавшийся ветер радостно лизнул Дашино лицо ледяным языком и бессовестно залез под платье.

– Пошли быстрее, – Даша поежилась, – холодно, блин.

Кирилл обнял ее, и Даша не воспротивилась. ...*Бред какой-то! Зачем он это делает?..* –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.